Шепот блуждающих песков

Автор:
Надежда Мамаева

Шепот блуждающих песков

Надежда Николаевна Мамаева

Колдовские тайныШепот блуждающих песков

Главе службы безопасности нужно найти похищенного наследника, кронпринцу – свою истинную пару, а девушке из приюта – путь к свободе. Их троих судьба сводит на ежегодных боях големов. Бесприданница и благородный – счастливая сказка? Но судьба посчитала иначе.

Тайна, которую хранят стены императорского дворца, подворотни городских трущоб, пески пустыни и мужские сердца, ждет. Вот только успеют ли герои найти ответы на свои вопросы? Часы уже начали обратный отсчет…

Надежда Мамаева

Шепот блуждающих песков

© Мамаева Н. Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Автор сердечно благодарит:

Светлану Крылову – за внимание к деталям,

Брониславу Вонсович – за магическое ускорение,

Полину Лебедеву – за огранку,

Марину Тодорову – за сердечное отношение,

Максима – за менестрелей,

Наталью и Василия – за то, что верили в автора больше, чем он сам в себя,

и дорогих читателей – за поддержку.

Пролог

Дирижабль причалил к пирсу. Здоровенная махина с тремя мощными винтами силовой установки, опутанная энергетическими нитями, плавно покачнулась, словно удобнее устраивая свое брюхо пассажирского отсека в клоках тумана.

Лопасти аэростата, крутанувшись последний раз, замерли в терпеливом ожидании, в отличие от людской толпы, снедаемой любопытством и жаждой зрелища. Как то: оркестр, продрогший под моросящим дождем, но умудрявшийся так виртуозно фальшивить, что его игру можно было принять за весьма талантливую импровизацию. Праздная публика за ограждением. Цилиндры и пальто. Турнюры, вуалетки, зонты. И, конечно же, вездесущие журналисты с блокнотами и камерами-гармошками на изготовку.

Мгновения слагались в минуты, дождь моросил все сильнее, сиятельные леди и джентльмены жаждали лицезреть кронпринца, вернувшегося из дипломатической миссии. Наконец, спустя некоторое время, капитан охраны сам ступил на ковровую дорожку, появившуюся сразу, едва закрепили швартовы. Он уверенным шагом поднялся по трапу.

Оркестр смолк. Тем отчетливее в наступившей тишине прозвучал голос появившегося из дирижабля капитана, бросившего своему старшему помощнику:

– Вызывай службу императорской безопасности. Срочно!

После этой короткой, но прочувственной «речи» офицер настоятельно рекомендовал собравшимся расходиться, и если сиятельные решили внять совету, то у акул пера такой поворот событий пробудил небывалое профессиональное рвение. Никакие угрозы и окрики полисменов не заставили отважных профессиональных сплетников покинуть причал.

Стоит ли говорить, что уже вечером газеты пестрели громкими заголовками: «Кронпринц похищен!», «Династия Эронов может прерваться?», «Кто виноват в исчезновении наследника Микаэля: лорды стихий или обычные люди?»

В то же самое время, когда на улицах крикливые мальчишки-торговцы вовсю размахивали желтыми листками, только что вышедшими из-под типографского станка, в личном кабинете за внушительным столом из бука сидел глава департамента безопасности. К тридцати восьми годам Хантер Элмер разгадал множество сложных загадок, выследил дюжину шпионов и рецидивистов, но вот похищений кронпринцев в его практике еще не случалось. А потому сейчас сиятельный занимался архиважным делом: он курил. Сизый дым из трубки был столь крепок, что многих, впервые его вдохнувших, заставлял закашляться. Но подчиненные Хантера хорошо знали не только об этом свойстве табака, но и о том, что, когда лорд Элмер курит, его не следует беспокоить. Поскольку в эти моменты, помимо всего прочего, глава отдела безопасности императорской семьи, как любил выражаться его секретарь, «дедуктировал».

Хантер побарабанил пальцем по столешнице и в раздражении отложил трубку. Он пристально уставился на единственную найденную на дирижабле улику – серую нитку висконской пряжи, изрядно засаленную и потертую. Кроме нее, ничего, как бы ни старались его ищейки, не обнаружили: ни возмущения магического фона, ни тел членов экипажа, ни следов борьбы или сонного зелья.

Рука Элмера машинально потянулась к увеличительному окуляру. Щелчок пальцев – и нитка начала медленно раскручиваться, высвобождая из тугого плетения волокна и мельчайшие песчинки. Хантер наклонился над столом, и белая, как шапка ледника, прядь волос, выбившись из короткой косицы, упала

на лицо сиятельного. Он не обратил на нее никакого внимания. Слишком его заинтересовали крупинки. Ярко-рыжие, правильной восьмигранной формы. Их нельзя было рассмотреть человеческим глазом, да и обычное зрение сиятельных этого бы не позволило – но не многократно усиленное магическим окуляром.

Хантер пинцетом аккуратно отделил одно от другого волокна пряжи самой обычной на первой взгляд нитки. Единственное, что было особенным, – это способ двойного кручения, когда кудель сначала пряли в одну нить, потом мочили, а затем сплетали со второй такой же.

Между плетением оказалась засохшая… даже не капля, а ее жалкий последыш черного цвета.

– Как интересно… – протянул Хантер и в задумчивости начал крутить сережку в ухе. К слову, хотя размером это самое ухо ничуть не уступало обычному человеческому, форма его была иной: остроконечная, с гораздо большим числом мелких хрящевых завитков внутри. А сразу от мочки шла серебристая вязь чешуек, заканчивавшаяся где-то на уровне ключицы. Одним словом, это было ухо типичного сиятельного.

Глава департамента вновь взял трубку и, затянувшись, уставился на карту империи. Его взгляд остановился на южной границе. Анчар – почти пустыня – территория, официально считающаяся имперской, но на деле – дикая, живущая по своим законам, хранящая в своих недрах черное масло и встречающая путников ярко-рыжими пыльными бурями.

Глава 1

Жаркий иссушающий ветер подхватил пригоршню песка и запустил ею мне в лицо. По привычке я отвернулась, смежав веки. Спустя несколько мгновений порыв ослаб, позволив мне открыть глаза и вновь приняться за работу. Сегодня я на зависть всем приютским пацанам помогала Хромому Джо чинить голема. Истукан, исправно батрачивший на благо воспитательного дома вот уже не один десяток лет, лежал на заднем дворе. У него был «технический осмотр», как гордо поименовал процесс выковыривания песка из примитивных глазниц и смазку металлических деталей сам Джо.

Хромой еще раз крякнул, сев на ступеньку лестницы, и с довольным видом разогнул механический протез. Потянувшись до хруста, он извлек из кармана кисет с табаком и, достав оттуда щепотку, положил ее в рот с намерением пожевать.

Поморщилась: запах табака я переносила, а вот манера выплевывать махорку меня отчего-то раздражала. Впрочем, недостатки наличествовали у всякого хорошего человека. Хромой Джо был очень хорошим человеком, а посему недостатков имел множество. К тому же он являлся одним из четверых в нашей Столице (а именно так гордо именовался городок на окраине Анчара), кто владел грамотой на приличном уровне. Оттого и обучал Джо приютских грамматике, арифметике и истории. Помимо него, хорошо читать и писать умели только наша директриса леди Изольда, патер Август-Аврелий и кабачник Сэм. Последнего ни в жизнь не подпустили бы к учебному процессу, а патера мы дружно ненавидели всем приютом за его любовь к розгам и незапланированным постам. Нуднее, чем география, история и слово божье, неизменно оказывались только его проповеди, которые он читал каждую седмицу в своем приходе.

Директриса, естественно, конвоировала весь наш приют послушать, как патер блеет о Всерадетеле. А как же иначе воспитать из детей преступников нормальных людей? Также она любила повторять, что только труд может облагородить человека, и активно внедряла свою идею в жизнь, заставляя нас горбатиться то на приютском огороде, то месить кизяк, то выкидывать навоз из хлева. Таким образом, следуя ее логике, спины и вздернутые зады самых благородных можно было увидеть на стройках и плантациях.

– Тэсс, закончила с песком? – лениво поинтересовался Джо, сплевывая изжеванный табак.

– Ага, – я даже в подтверждение кивнула.

Поймала себя на мысли, что за те пять лет, что провела в Столице, стала ничем не отличима от местных: такая же смуглая, с выжженными солнцем волосами, мозолями на руках и ободранными коленками. А ведь когда-то обедала с дюжиной столовых приборов и четырьмя переменами блюд. А попав сюда… в бою голода с воспитанием второе продержалось ровно месяц. Потом ко мне, тогда еще тринадцатилетней, пришло понимание, что этикет наверняка придумал очень сытый человек, и плюнула на все манеры, что вдалбливались

мне с рождения.

Сейчас даже отсутствие ложки не помешало бы мне расправиться с миской каши.

– Тогда давай займемся башкой этого истукана, – Джо мотнул головой в сторону голема и нехотя поднялся со своего места.

Хромой, помимо того что вдалбливал в наши головы знания (правда, наука иногда доходила в них через задницу, после применения лучшего учебного средства – ремня), был еще и магом. Ну как магом… В пору своей юности и наличия двух ног он обучался в Академии магического искусства, что располагалась на парящей цитадели. Но на втором курсе не поделил красотку-адептку с одним из сиятельных, и его отправили рекрутом на границу восточного предела. Там Джо за время службы и распрощался как с юношескими иллюзиями, так и с одной конечностью. Но знаний своих не растерял. Их-то наставнику вполне хватало не только на починку голема, но и на сборку песочного монохода.

Глядя на Хромого, я еще раз убедилась, что ненавижу сиятельных – те еще самолюбивые засранцы.

Джо, не подозревая о моих мыслях, ткнул пальцем в спайку проволоки, которая выполняла функцию мозга у голема, и проворчал:

– Силовое плетение совсем износилось…

– Это вот та зеленая мерцающая нить? – решила я уточнить.

Магические механизмы привлекали меня всегда больше, чем пяльцы и иголки с нитками.

– Она самая… Эх, жаль… а я-то думал, что в еще одних боях наш номер один поучаствует.

Джо всегда звал приютского голема «номер один». То ли за то, что истукан всегда побеждал в боях, то ли за то, что тот был одним из самых старых

истуканов в Столице.

– А может, попробовать подновить? – спросила я с затаенной надеждой.

Джо лишь упрямо мотнул головой, предпочитая спешке кропотливую надежность.

Бои были одним из любимейших местных развлечений. В эти дни в Столицу съезжались не только добропорядочные жители соседних поселений и караванные торговцы, но и кочевники, бандиты, контрабандисты. Ни те, ни другие не обходили сие грандиозное мероприятие вниманием.

За неделю, что шли бои, кабачник делал годовую выручку, а столичные девицы резво делали ноги, иначе девицами им было бы оставаться не долго: пьяным проигравшимся все равно, сколько у «молодки» морщин и зубов, выигравшим – тем более. В юбке – значит, баба. Главное, эту бабу за подол вовремя поймать, пока она в окно сигануть не успела.

Впрочем, один раз было наоборот: от рябой Марты караванщик наутро сам хотел сбежать. Но дочь кузнеца оказалась настороже и, отловив своими пудовыми ручищами попытавшегося испариться мужичонку, потащила его к патеру. Несчастный, закинутый на плечо, вопил на всю округу, но Марту это не смутило, впрочем, как и священника. Патер их обвенчал и, поскольку супружник дочки кузнеца оказался с ходочихой в ухе, с Марты сняли ошейник. Как же она этому радовалась тогда! Даже замужеству, по-моему, меньше, чем избавлению от ярма, висевшего всю жизнь у нее под подбородком.

Такие ошейники имелись у всех местных, «оседлых», как называли нас сиятельные. Больше всего это украшение мне напоминало тавро, что выжигали на боку у коров: такое обозначает, что буренка принадлежит к определенному загону и в иной ей ходу нет. А вот право свободно перемещаться по территории империи надо было заслужить, доказав свою благонадежность. Оная выражалась у одних в звонкой монете, у других – в поступках, у третьих – через замужество. Ведь супруга должна находиться подле мужа, как гласит закон.

Вот такие невеселые мысли бродили у меня в голове, пока я помогала Хромому Джо соединять нити плетения в голове голема. Работа была интересная, но кропотливая, требующая внимания и усидчивости. Поэтому помогала старику

именно я, а не пацаны, у которых шило из задницы ни за что не вынешь.

Мы провозились до вечера, а когда начало смеркаться, директриса позвала нас ужинать. За столом нас ожидали малая порция каши из бахчи и большая заунывная молитва. К слову, эту самую кашу приютские жутко не любили: вы пробовали сварить дыню, кабачок и арбуз в одном чане? А именно таковы на вкус были гибриды, что чаще всего получались, когда эти бахчевые, что привольно чувствовали себя на жаркой анчарской земле, сажали рядом и они переопылялись.

Но если скудное приютское меню порою радовало нас кулинарным разнообразием (лепешки из кукурузной муки, овощной суп или запеканка), то вечерняя лекция чопорной леди накануне недели боев была неизменной, сколько себя помню. Директриса вещала о распутстве и пороке, царствующих на големских боях, называла нас и так детьми, росшими во грехе, и строго наказывала не сметь думать о том, чтобы хоть даже краем глаза взглянуть на это действо.

Поставив таким образом галочку на своей совести и выполнив воспитательную миссию, директриса удалялась на покой.

Надо ли говорить, что после такой замечательной рекламы ровно в полночь мы чуть ли не всем приютом сбегали поглазеть на эти самые бои. Те, у кого в карманах наличествовало такое несметное богатство, как медная монета, не упускали случая сделать ставку. Авось повезет?

Традиции я чтила, а потому сегодняшняя ночь не стала исключением: как только младшая из трех лун взошла на небосводе, я вылезла через чердачное окно, ухватившись за ветку чахлого на вид, но прочного на поверку карагача. Дерево, как столетняя старуха, было колючим, шершавым и злопамятным и стребовало с меня за возможность спуститься дань в виде разодранной штанины и ссадины на коленке.

Я плюнула на недошрам как в прямом смысле слова (слюна и промыла рану и обеззаразила; из средств дезинфекции наша глушь знала лишь два: слюну и самогон), так и в переносном, и поспешила на площадь. Бои уже начались.

Рыжий стоптанный башмак на левой ноге уже давно просил каши, но я потчевала его только костяным клеем. Он решил, что пора бы обидеться на такое скудное меню, и откинул подметки.

Я пошевелила большим пальцем, который выглядывал из носка ботинка. Пока снимала отслужившую не только свой, но и чужой век обувку, чуть замешкалась и поотстала от остальных.

– Тэсс, давай уже, самое интересное пропустишь! – шепот Ника – первого раздолбая и хулигана приюта – заставил меня поторопиться.

– Догоню, не переживай. Дуй давай сам!

Ника упрашивать не пришлось, он тут же засверкал порепанными пятками вниз по улице. Я припустила следом, подхватив под мышку ботинки.

Когда добралась до площади, бои уже шли вовсю. Амбалы с золотыми зубами и перстнями запросто здоровались за руку с местным шерифом, пацаны с открытыми ртами слушали рассказы кочевников, щуплые мужичонки стороной обходили здоровенных, похожих на големов в броне телохранительниц одного из караванщиков, когда дамы бросали на них заинтересованные взгляды.

Я завертела головой, осматриваясь. Несколько рингов, где уже дрались големы. Крики зазывал, что приглашали сделать ставки. Смех и ругань. Толкотня… В общем, все как всегда. По нам, приютским, приезжие скользили взглядами. Пацанье, что с него взять? Да и не мудрено – мы все были одинаковые: в поношенной, не самой чистой и зачастую ветхой одежде, с убранными под кепки и платки волосами, тощие и шустрые.

Я протиснулась к одному из рингов. Здесь бой кипел вовсю. Броски и удары двух големов впечатляли. Один из них, с двумя парами рук, был из красной, обожженной глины. Второй – двуголовый, черный, как гловешка, и на шести ногах. Он больше напоминал помесь паука и человека.

Большинство в толпе болели за чернявого. Двуголовый, работая своими колотушками, как паровыми молотами, пробил красному грудь и нырнул ему под мышку. Совершив бросок через спину, черный так припечатал соперника к песку ринга, что после недолгой возни под его шестью ногами истукану из

обожженной глины пришлось сдуться.

Послышались свист и победное улюлюканье. Хозяин поверженного голема после удара гонга тут же выскочил на ринг, чтобы оценить ущерб и сохранить то, что еще осталось от его бойца. Победитель мог на потеху публике начать отрывать руки-ноги от сдавшегося противника.

Я уже было собралась пойти к другому ристалищу, когда послышались возмущенные вопли. Через толпу бежал, умудряясь просочиться ящерицей сквозь плотно сомкнутые спины, горбун в кургузом сюртуке и кепи. За ним, расталкивая всех и вся, несся белобрысый сиятельный.

Преследователь, улучив момент, когда его жертва оказалась в зоне поражения, остановился и, сложив пальцы щепотью, засветил заклинанием. Горбун, словно нутром чуя приближающуюся опасность, в последний момент нырнул под один из помостов. Пульсар, не найдя цели, пролетел чуть дальше и воссоединился с гнутыми, стянутыми кольцами досками винной бочки.

В наших краях вкус спиртного – всегда вторичен. Главным достоинством местного пойла считалась его крепость. А кабачнику за градусы никогда не стыдно было держать ответ. Вот и сегодня ушлый хозяин барной стойки выкатил целую бочку рома в надежде сделать неплохой навар.

Как оказалось, ром хорошо полыхает пожаром не только в луженых глотках, но и в свете уличных фонарей. Столб огня взметнулся мгновенно, поглотив своей раззявленной пастью тряпку на флагштоке, символизировавшую штандарт нашей дыры.

Огонь поживой не удовлетворился и переключился на тюрбан кочевника, а также на помост. Что тут началось! Крики, отборная ругань, суета. Но это оказалось только половиной беды. Големы, оставшиеся без хозяйского присмотра и управления (глазеть-то на пожар гораздо интереснее, всем без исключения), решили, что драться друг с другом – хорошо, но крушить все вокруг – еще лучше.

Я смотрела на творящееся широко распахнутыми глазами, оттого очень удивилась вынырнувшему рядом словно из-под земли горбуну.

Он толкнул меня, расчищая себе путь. И тут шнурок ботинка, что я держала под мышкой, зацепился за пуговицу на сюртуке горбуна, заставив дернуться его назад. Беглец, развернувшись, со злостью потянул на себя то, что держало его, как рыбину на крючке. Я, не желая отдавать свой нехитрый, но дорогой сердцу и пяткам скарб, вцепилась в него с другой стороны. За что и получила от горбуна кулаком под дых.

Я инстинктивно отпустила обувку, успев в отместку мазануть когтями по щеке и шее противника. Скрюченные пальцы вскользь прошлись по коже, наткнулись на тонкую цепочку и, когда я полетела в сторону, разорвали плетение звеньев.

Яркая вспышка света и взрыв отбросили меня на добрую дюжину локтей назад.

По ощущениям – по спине прошлись наждаком, а макушку «приласкали» кувалдой. Раз этак двадцать, потому как в ушах звенело, в глазах рябило, а во рту появился солоноватый привкус. Веки удалось поднять попытки с третьей, и первое, что я увидела – белобрысого сиятельного, который несся прямо на меня.

Дохлая варравана, да что же это такое! В том, что этот ненормальный лорд прельстился моей скромной персоной, не оставалось сомнений: когда прямо в тебя летит ловчая сеть, а вслед за ней крик: «Стоять, пацан!» – понять, что что-то не так – сложно. Но тут блондинчик ошибся трижды. Я не стояла, а сидела, пацаном же не была никогда в силу некоторых анатомических особенностей, да и роль пойманного в силки суслика меня не прельщала. Поэтому как была, на копчике, я крутанулась вбок, походя зачерпнув пригоршню песка вперемешку с пылью.

Сеть оплела своими щупальцами какого-то бедолагу, стоявшего позади меня. Я же, оказавшись на четвереньках, поспешила выпрямиться. Следующим этапом моей грандиозной спасательной операции по извлечению собственной шкуры из неприятностей значился пункт: «Дать деру».

Но сиятельная сволочь оказалась как тот стрелок Робби Гад из поговорки, от которого бежать бесполезно – все равно умрешь, но только уже уставшим.

В последний момент белобрысый настиг меня и схватил за плечо. Недолго думая, я применила главное женское оружие всех времен и народов – коварство. Наотмашь зарядила в лицо ловцу песком. Хватка ослабла, а затем последовали

громкий чих, ругань и апперкот вслепую. От последнего я ушла, вывернувшись из захвата и нырнув под руку сиятельного.

Говорят, что леди в императорском дворце – столь нежные создания, что тяжелее веера в своей жизни ничего не поднимают, а пощечина у них приравнивается чуть ли не к хуку правой. Правда это или нет – проверять не доводилось, но у нас в Столице любая порядочная девушка не только знает, что такое апперкот и джеб, но может их и продемонстрировать. Я считала себя крайне порядочной, а потому резко саданула кулаком в сиятельную челюсть, а согнутым коленом – туда, куда в честном поединке бить не принято. Но мы с этим ненормальным лордом были не на светском рауте, а на боях без правил. Противник сдавленно охнул, но, несмотря на это, попытался схватить меня вновь.

Я же отчетливо понимала, что выиграла не схватку, а всего лишь пару мгновений форы, пока этот чокнутый не прочихается. Поэтому, развернувшись, припустила во все лопатки мимо набиравшей вокруг силу огненной вакханалии.

Краем глаза я заметила, что горбун устремился за мной. Тот самый, из-за которого меня и распластало по песку. Чтоб его гремучник поцеловал!

Он усиленно работал локтями, а когда понял, что я все же быстрее, остановился и, запустив руку во внутренний карман, извлек вороненого мистера Вессара. Крутанул барабан револьвера, что-то исступленно крича. Что именно – я не разобрала из-за ора вокруг. Зато поняла, что сейчас наступят последние мгновения моей жизни. Пули из такого револьвера были особые, зачарованные и всегда настигали мишень, ради которой они покинули гнездо барабана. Не спасут ни быстрые ноги, ни амулеты, разве что магия сиятельных. Но я-то была человеком.

Наши взгляды встретились. Я увидела фанатичный блеск в глазах своего палача, его оскал, как будто он сам готовился распрощаться с жизнью, но перед этим совершить что-то великое. Как минимум революцию. Вот только голему было наплевать на грандиозные планы стрелка. Он оказался так же беспощаден, как утреннее похмелье. Истукан просто смел не успевшего нажать на курок горбуна, размозжив его о стену одного из домов. Несмотря на то что следующей на пути глиняного громилы стояла я, это не помешало мне обрадоваться нечаянному спасителю. Уж с кем, с кем, а с големами я обращаться умела гораздо лучше, чем с сиятельными и фанатиками. Круто развернувшись, я побежала навстречу

глиняному громиле и в миг до столкновения подогнула колени, падая спиной на землю. Набранная скорость позволила мне проехать на голенях и лопатках аккурат между расставленных ног истукана. Вот только старая клетчатая кепка не выдержала столь стремительного развития событий и покинула мою голову во время последнего маневра. Но мне было не до сбора памятных предметов гардероба – ноги бы унести отсюда.

Эх, права была госпожа Изольда – не следовало совать носа на эти бои!

– Если удастся выбраться отсюда – обещаю стать приличной леди, как наша директриса. Буду вышивать крючком и вязать на пяльцах! – дала я себе зарок, смутно представляя себе процесс вышивки и вязания.

До приюта меня больше интересовала папина лаборатория, чем рукоделие, а после – гайки и шестеренки на верстаках Хромого Джо.

«Смею заметить, леди, что вышивать крючком весьма проблематично…» – от приятного баритона, раздавшегося в ушах, я едва не споткнулась. Подумав, что мне еще слуховых галлюцинаций для полного счастья не хватало, я припустила по направлению к приюту.

На ветку карагача мне удалось забраться лишь с третьей попытки: так тряслись руки. Это на площади я мозгами не понимала, что происходит. Вернее, даже не так: понимать – понимала, но до конца не осознавала масштаба. Тогда единственной мыслью было – убежать. А вот по дороге до приюта накрыло оно – полное осознание того, что меня за три минуты два с половиной раза едва не убили. Голема я посчитала за половинку, с этими глиняными гигантами обращаться я умела – не первый раз видела разбушевавшихся истуканов и знала, что они весьма глупы, плохо видят и слышат, к тому же не отличаются особым умом и сообразительностью. Достаточно убраться из их поля зрения, чтобы эта громадина от тебя отстала.

Уже перед тем как лечь в кровать, я решила ополоснуть лицо в рукомойной. Умывальню освещала керосиновая лампа, болтавшаяся под потолком. Плеснув воды на лицо, я машинально глянула в щербатое зеркало и подавилась криком. Над моим плечом завис призрак в парадном мундире.

– Вечер добрый, юная леди! – приведение галантно поклонилось, демонстрируя очаровательную улыбку.

В ответ я продемонстрировала не менее очаровательную фигуру из среднего и указательного пальцев, заменявшую порою крепкое словцо и считавшуюся оберегом от нечисти.

Судя по всему, призрак мне попался шибко придворный, не знавший значения двух оттопыренных фаланг и поэтому не пожелавший, обидевшись, исчезнуть. Пришлось пояснить словесно:

– Слышь, ты, полупрозрачный, чесал бы отсюда…

Призраки… они такие. Еще Хромой Джо говорил, что если не отвяжешься от бестелесного по-быстрому, прицепится к тебе, как блоха к хвосту шелудивого пса, и будет полжизни тягаться следом.

Мне этого призрачного добра даром не надо, поэтому я приготовилась припомнить всю местную флору и фауну, а также выкидышей нижнего мира, лишь бы отвязаться от сомнительного фантомного богатства. Уже набрала воздуха в грудь, чтобы толкнуть прочувствованную речь, но бестелесный опередил меня.

– Я бы и рад удалиться, но не имею никакой возможности. Вы, юная леди, разорвали плетение чар артефакта, в который меня заточили.

– Вот и радуйся свободе, лети отсюда… – Мне его объяснения нужны были, как ишаку корсет. Даже рукой помахала для особо непонятливого: – Кыш-кыш.

Но призрак попался упертый. Сохраняя все ту же благожелательную мину, правда, при этом в его голосе прорезались нотки раздражения, он продолжил:

– Повторюсь, что радоваться не могу, по той простой причине, что теперь вы мой сосуд и якорь. Покинь я вас – и меня тут же затянет за грань. А мне еще на этом свете пожить хочется.

Но я была тверда в своем стремлении отделаться от такой обузы (и рьяно надеялась, что это именно обуза, а не белая горячка):

– Призрачный, имей совесть! Сам пожил человеком, дай и другим спокойно пожить.

А вот на это мое заявление туманный и вовсе оскорбился.

– Позвольте! Во-первых, я еще не умер, мою душу насильно отделили от тела, а во-вторых, обозвать сиятельного человеком…

«Все-таки кукукнулась», – подумала я. В здешних краях лорды стихий были более редким явлением, чем курица, снесшая драконье яйцо. А уж их души – и подавно.

Поэтому-то я решила применить самое верное средство от тушканчиков, что приходят вместе с запоем, которое использовали в наших краях: подошла к стене и как следует ударилась о нее лбом. Результатом «лечения» стала набухающая на лбу шишка и ухмыляющийся призрак.

Вот только теперь клок тумана в парадном мундире обрел четкие очертания, и я поняла: таки да, передо мной действительно призрак сиятельного.

Судя по всему, когда-то это был молодой мужчина, высокий и сложенный безупречно. Прямой нос, четко очерченные скулы и губы, смуглый, что сразу выдавало в нем созидателя, а не деструктора. Его темно-каштановые волосы, слегка вьющиеся и собранные в низкий хвост, едва достигали плеч и открывали как заостренные уши, так и затейливую вязь на шее. Глаза, подернутые дымкой, – золотисто-карие. Откуда-то возникла иррациональная мысль, что, когда их обладатель в ярости, они становятся как расплавленное золото.

Призрак грациозно развел руками, словно показывая: вот я какой, разве мой облик напоминает обычного смертного? В этом его жесте сквозил прямо-таки племенной аристократизм.

Сейчас своим гордым видом он напомнил мне помойного кота, что привечала леди Изольда. У него было столь же величественное выражение морды, когда

ему, облопавшемуся сметаны, что поднесла директриса, предлагали шкурку от сушеной песчаной ящеры. В такие моменты у меня складывалось впечатление, что у лишаистого котяры родословная исключительно благородных кровей.

– Да будь ты хоть императорский сынок. Мне плевать. У нас в Столице призраков не любят.

Бестелесный переменился в лице и с подозрением так поинтересовался:

– В какой такой столице?

– В имперской, – как само собой разумеющееся ответила я.

– Сколько же должно было пройти времени, чтобы Альбион превратился в такую дыру? – протянул полупрозрачный, схватившись за голову.

– Сейчас три тысячи восемьсот первый год от пришествия. Так что считай.

Я наивно понадеялась, что, впечатленный цифрой, собеседник исчезнет, погрязнув в подсчетах. Увы.

– Но не прошло и года!

– Значит, могу тебя поздравить – ты еще совсем молоденький призрак, – съязвила я.

– Да не призрак я! Я душа, – начал терять терпение неупокойник.

– Душа-душа, – покладисто согласилась я, – дыши тогда давай отсюдова. В смысле чеши.

Похоже, мое упорство наконец-то принесло плоды. Призрак, в раздрае, начал выцветать, все бормоча под свой полупрозрачный нос: «Как же так, как же так…»

А я решила, что хватит с меня на сегодня приключений, и потопала спать.

Сколько помню, в нашей дыре пронзительней всего колокол звенит утром в первый день недели. Никак этот чугунный гаденыш набирается сил за выходные? Вот и сегодня ночь спасалась бегством от звуков «набата». Едва я разлепила глаза, как соседка по койке – вездесущая Кайма, чуть ли не приплясывая, наклонилась надо мной, чтобы потрясти как следует за плечо и тем самым разбудить.

Ее веснушчатая мордашка прямо-таки лучилась довольством. Причина такого замечательного настроения соседки выяснилась довольно быстро: ее распирало от сплетен, как порою некоторых чересчур любопытных миссис – от беременности.

– Тэсс, давай собирайся, а то все самое интересное пропустишь.

– А есть что-то поинтереснее вчерашнего фейерверка? – мне стало действительно любопытно.

– Угу, – с энтузиазмом мотнула челкой соседка. – К леди Изольде пожаловал настоящий, цельный сиятельный. И, тряся твоей кепкой перед носом директрисы, требует выдать ему пацана, что носил ее еще вчера. Говорит, что след привел его именно к приюту.

– Вот же дохлая варравана! – с этими словами я кубарем скатилась с постели.

Впрыгнула в штаны, гордо носившие, как иной генерал – медали, целую плеяду заплаток, натянула рубаху и поспешила вслед за Каймой.

Не прошло и пары минут, как мы с соседкой засели под окном кабинета леди Изольды. Чуть приподнявшись над подоконником, я и Кайма увидели весьма интересную сцену.

Вчерашний белобрысый лорд стоял напротив леди Изольды, а в его руке горел пульсар.

– Я еще раз повторяю, мне нужен тот малец, что вчера потерял эту кепку.

И без того прямая спина директрисы сейчас могла бы посрамить чертежную линейку. Она нервно сглотнула и сделала шаг назад, а потом, словно потеряв равновесие, пошатнулась.

Леди Изольда начала падать, да так неудачно, заваливаясь назад, что на мгновение подолы ее платья и белых нижних юбок взметнулись, отвлекая внимание визитера. Но не наше.

Мы, приютские, прекрасно знали, что леди Изольда, несмотря на всю свою чопорность и манеры, была истинной жительницей дикого юга. Ее было не испугать каким-то аристократским пульсаром. Она видывала кое-что и похлеще. Например, разгулявшуюся банду громилы Алька по прозвищу Пони или диких кочевников. Последние нет-нет да норовили уворовать кого-нибудь из оседлых в анчарские пески.

Поэтому-то под строгим платьем в голенище шнурованного сапога леди Изольда всегда носила револьвер. Чулок могла не носить, но револьвер – всегда.

Лорд увидел ворох юбок и кружевные панталоны, а также руку, метнувшуюся к лодыжке с поистине змеиной скоростью.

Мгновение – и в ладони директрисы появился самый весомый из аргументов в любом споре.

– Впечатлен, – с иронией протянул сиятельный.

Леди Изольда, которая больше не изображала испуганного сайгака, навела револьвер со взведенным курком на визитера и, сдув со лба прядь, выбившуюся из тугого пучка, уже гораздо увереннее произнесла:

– А вот теперь поговорим, мистер Элмер. Так зачем вам Тэсс?

– Значит, мальчишку зовут Тэсс? А не далее как пару минут назад вы утверждали, что и знать не знаете, чья это кепка, – презрение, которым был пропитан голос, можно было черпать ложками.

– У нас, знаете-ли, не Альбион, где карьеры делаются языком, – зло выплюнула директриса. – Здесь о человеке судят по поступкам, а не по словам и банковскому счету. Вы заявились едва ли не с первыми петухами и утверждаете, что вам нужен один из моих подопечных. А в ответ на мое нежелание оного вам выдать – угрожаете. И это ваше поведение – красноречивее любых слов, как бы вы ни пытались убедить меня в обратном, прикрываясь конфиденциальностью и государственной безопасностью. Итак, пока не расскажете, зачем вам Тэсс, – с места не двинусь.

Блондин усмехнулся:

– Я могу поступить иначе. Выпустить пульсар. Он сожжет вас дотла, – его голос был холоден и расчетлив, в противовес обманчивой расслабленности. – От пули же меня защитит амулет. А после того, как ваша душа отойдет в мир иной, сам найду этого парня, – он иронично вскинул бровь.

Все это лорд стихий произнес так буднично, уверенно и спокойно, что мы сразу уверились – не треп. Сиятельная зараза именно так и поступит.

Директриса молчала, лишь ее потемневший взгляд говорил о том, как она сожалеет, что недооценила противника. На поверку сиятельный аристократишка оказался ядовитым гремучником. Собеседник же, словно утверждаясь в своем преимуществе, сделал шаг вперед.

– И поверьте, я найду его. Единственная причина, по которой я еще беседую с вами, а не убил вас с порога, – это привычка, как вы выразились, решать проблемы «языком», а не кулаками.

Леди Изольда, поняв, что в поединке слов, взглядов и доводов ей не тягаться со столичным хмырем, отступила и опустила револьвер.

– Так-то лучше, – удовлетворенно заключил блондин, втягивая энергию пульсара в ладонь. – Я повторюсь, что не намерен раскрывать вам и кому бы то ни было причину, по которой мне нужен этот парень. Единственное: могу гарантировать, что эту глушь он покинет.

– И умрет спустя пару часов от удавки, едва пересечет границу анчарского округа, – припечатала леди Изольда, садясь в кресло и любуясь

замешательством на лице собеседника.

– Он из оседлых? – нахмурился визитер.

– Здесь все из оседлых, кроме диких кочевников и бандитов. Здешние края – это тюрьма, для кого добровольная, для кого – принудительная.

– Где можно заплатить пошлину, чтобы сняли ошейник? – похоже, что блондин относился к тем, кто считает, что если проблему можно решить с помощью денег, то это – не проблема.

– Ближайший пункт в неделе езды на ящере, – теперь уже директриса позволила себе ухмылку.

Ее ответ явно не понравился лорду стихий.

– Насколько знаю, есть еще один способ избавиться от метки – если оседлый становится членом семьи свободного, – он побарабанил пальцами по столешнице, что была рядом с ним, – значит, я его усыновляю.

– Не его. Ее. И похоже, что Тэсс вам очень нужна, – директриса посмотрела на нежеланного гостя в упор.

– Вы даже не представляете, насколько мне нужна эта двоедушница.

Вытянувшееся лицо леди Изольды было для него лучшим из ответов.

А я поняла – пора уматывать.

Кайма еще хлопала глазами и ушами, когда я задала стрекача. В том, что директриса с минуты на минуту пошлет за мной, я не сомневалась. Этот сиятельный умел убеждать. Породниться с таким – удовольствие весьма сомнительное. Но перспектива просидеть всю жизнь с ошейником, как цепная собака, меня тоже не прельщала. Именно поэтому и решила воспользоваться случаем. И какая разница, что ключ к свободе в руках ненавистного сиятельного. Один раз я от него уже сбежала…

Когда в нашей комнате объявился Ник с сообщением, что леди Изольда желает меня видеть в своем кабинете, я уже была готова: три медяка – за пазухой, очки-гогглы в медной оправе, доставшиеся от отца, – на макушке, и любимый (он же единственный) разводной гаечный ключ – за поясом.

О том, что ко встрече с потенциальным «папочкой» стоило бы причесаться и умыться, я вспомнила уже на пороге кабинета директрисы. Решила исправиться – провела пятерней по волосам и утерла нос рукавом рубахи. Посчитав, что марафет наведен, толкнула дверь.

– Вызывали? – постаралась я быть самой кротостью.

Увы, леди Изольда знала нас всех как облупленных и не купилась на мою показную покорность. Сиятельный, который при ближайшем рассмотрении, как оказалось, радовал мир чуть воспалившимися глазами, – тем более.

Он молча изучал меня. Два раза прошелся взглядом с головы до ног и обратно, а потом выдал:

– И сколько лет вашей воспитаннице?

Директриса поджала губы и нехотя ответила:

– Через месяц – восемнадцать.

– Тогда я ее не удочеряю, – выдал он. Но леди Изольда рано обрадовалась, потому как блондин припечатал: – Я на ней женюсь. Благо от жены, в отличие от дочери, избавиться легче – разводы в империи все же разрешены.

* * *

Спустя какой-то час патер, сбивающийся через каждые пару фраз, венчал нас с ненормальным сиятельным. Надо заметить, свадьба имела шикарный размах. Приход ломился от жаждущих увидеть хоть одним глазком счастливых молодоженов. Столько народу я не видела даже тогда, когда шериф вешал Алька Пони.

Девицы умильно вытирали слезы и сморкались. Те, кто побогаче, – в носовой платок, кто победнее – в рукав. Мужики чесали затылки и вполголоса переговаривались меж собой, как бы накатить вечерком – повод-то хороший. Наши приютские все были в парадном и почти не рваном. Ник даже шею керосинчиком протер в честь такого события и волосы маслом прилизал.

Я же стояла у алтаря в красной, шуршащей, как стог сена, саржевой юбке, блузе с жабо и пышными рукавами, которые выдала мне директриса из личных запасов, корсете, чьей родиной также значился шкаф леди Изольды. Зато тяжелые сапоги с рифленой подошвой и на шнуровке мне подарил Хромой Джо, заявив, что не допустит, чтобы я выходила замуж босиком. Ими я гордилась больше всего: в таких горячий песок ноги точно не обожжет, а гремучник обломает ядовитые зубы о дубленую кожу, если сдуру решит вцепиться в лодыжку. Вместо фаты на голове царствовали любимые гогглы, пуская по стенам желтых зайчиков.

А жених был в том же сюртуке, что и вчера. От ткани попахивало костром и паленым ромом.

Сиятельный в очередной раз достал из нагрудного кармана часы-луковицу и, откинув крышку, взглянул на циферблат.

– Чада мои, перед ликом… – патер вновь подавился фразой.

Жених захлопнул часы, что хвастались миру своей золотой цепочкой, и уточнил:

– А нельзя ли побыстрее?

Священник нервно сглотнул и перешел к самым главным вопросам:

– Согласен ли ты, Хантер Элмер, перед ликом Двуединого взять в законные супруги Тэсслу Шелдон, оберегать и защищать ее, быть верным мужем и хорошим отцом?

– Да. Да. Да, – слова показались мне ударами молотка, заколачивающего гвозди в крышку гроба.

– Согласна ли ты, Тэссла Шелдон, перед ликом Двуединого взять в законные мужья Хантера Элмера, хранить ему верность и почитать, дарить детей, поддерживать очаг?

– Да. Да. Да, – ответила я трижды, как предписывала древняя традиция, и поймала себя на мысли, что слова древней, как сама жизнь, клятвы ни звуком не упоминают о любви.

То ли боятся люди давать невыполнимые обещания перед божественным ликом (ведь многие браки заключаются по расчету), то ли считают чувства «бабской блажью». Именно так, и никак иначе, величал любовь кабачник Сэм. Впрочем, глядя на трех потасканных жизнью и клиентами «красоток», что ошивались в его баре, в это утверждение умудренного жизнью хозяина барной стойки я охотно верила.

Погрузившись в свои мысли, я не сразу почувствовала, как ошейник с тихим звоном упал на пол. Долгожданная свобода. Теперь главное – ее не потерять. Насчет причины, по которой я ее получила, у меня имелись догадки. Слишком уж явное совпадение: появление в моей жизни призрака и нежданное замужество.

Супруг, в этот момент скосивший на меня недобрый взгляд, протянул руку.

Я с недоверием вложила в его открытую ладонь свою, и патер поднес чашу. Наши кисти погрузились в кроваво-красное вино. Когда же появились снова – на тыльной стороне ладони, что у меня, что у этого Хантера, красовались брачные татуировки.

Слаженного вздоха в толпе не получилось, зато до меня долетел комментарий:

– Более красивую пару я видел только однажды… когда мне пришло сразу два туза.

Новоиспеченный супруг, услышавший краем своего длинного уха такое сравнение, чуть не споткнулся. Я же лишь подивилась богатой фантазии, которая порою с лихвой восполняла комментатору его недостающий глаз. Ведь только одноглазый подслеповатый старик Кирхи мог обозвать нас парой, да к тому же красивой.

Нет, по поводу жениха претензий (кроме его дурной башки) не было. Пепельный блондин со светло-серыми, отдающими сталью глазами, недурен собою, но это скорее следствие уверенности в себе, чем какой-то особой внешней красоты. На шее, рядом с вязью чешуек – шрам от скользящего сабельного удара. Несмотря на это обстоятельство, свидетельствующее о бурном не только настоящем, но и прошлом, рук, ног и глаз у муженька все еще имелось по паре.

Вот только правое ухо, в котором красовалась серьга, радовало мир не меньше чем десятком дырочек. Словно не только мочку, но и ушной хрящ хозяин украшает дюжиной мелких сережек.

Высокий – я приходилась ему ровно по плечо, с бесшумной, кошачьей походкой, словно он каждое мгновение готов к смертельному броску. В этом Хантере чувствовалась внутренняя сила.

И я – худая, как щепка, с ободранными коленями и локтями, выгоревшими до цвета соломы каштановыми волосами и загаром напополам с въевшейся анчарской пылью, делавшим мою смуглую кожу еще темнее.

Вот такая вот парочка: скаковой ящер да ярочка.

Новоявленный муж, не подозревая о моих мыслях, как только церемония закончилась, буквально поволок меня к выходу. Разочарованию столичных горожан не было предела: не так часто в нашей дыре случаются развлечения. Поэтому-то на них сбегаются посмотреть чуть ли не раньше, чем об оных узнают сами участники действа. Вот так приключилось и с нашей свадьбой: меньше чем за полчаса новость о том, что приютская Тэсс выходит за сиятельного, облетела округу, и в церкви нас встречала вся Столица, жаждущая запастись впечатлениями впрок. Особенно жадными до зрелища оказались горожанки: големские бои – боями, они и на следующий год будут, пусть и не с таким грандиозным пожаром, а вот цельный сиятельный – навряд ли.

Я споро перебирала ногами, боясь, что, если споткнусь, меня попросту поволокут по песку, даже не оглянувшись. Надо ли говорить, что при таком способе передвижения до постоялого двора мы добрались очень и очень быстро. Тем более что «храм душ», как гордо именовал церквушку патер, и постоялый двор, поименованный им же «развратным вертепом» (как будто вертеп может быть благочестивым), разделяла всего лишь площадь.

Хантер, подходя, достал серебряный и, кинув его парню, смотрящему за скаковыми ящерами, крикнул:

– Два седла на моего Децли!

Глава 2

Я глянула на ящера, в сторону которого мотнул головой мой новоявленный супружник. Здоровенная тварюга, чешуя которой отливала под палящим солнцем всеми оттенками последних лучей заката. Короткий толстый хвост с шипом на конце делал зверушку не только ездовой, но и боевой. Впрочем, как и зубы, каждый – с мой указательный палец длиной. На такую не только два, все четыре седла приладить можно.

Хантеру было не до любований собственным транспортным средством. Он, так и не выпустив моей руки, потащил за собою внутрь постоялого двора. К моему шагу сиятельный и не подумал приноровиться, отчего на лестнице, которая вела из зала салуна на второй этаж, я узнала, что стремительно со ступеней можно не только скатываться, но и взлетать на них в буквальном смысле этого слова: силясь успеть, я едва не перелетела полпролета в прыжке.

В свой номер муженек ворвался так же стремительно, и только заперев дверь, удосужился отпустить мою руку.

– Постой немного, – бросил он и, не дожидаясь моего ответа, начал снимать с себя сюртук.

Я уставилась на сиятельного. Нет, я слышала, конечно, что после свадьбы мужьям надо отдавать какой-то долг, и супруги любят его принимать почему-то не в совсем одетом виде. Но мы еще и получаса не женаты, и я у Хантера ничего такого не брала, чтобы успела вырасти кредиторская задолженность.

Блондинюка закатал рукава рубахи и, пробормотав себе под нос: «Проверим», размял пальцы. Короткое «постой не шевелясь» – и мне в лоб тут же полетел пучок света, сорвавшийся с пальцев муженька.

Не знаю, может, прислуга приказов этой сиятельной занозы и слушалась беспрекословно, а у меня летящий в лицо магический хук рождал лишь чувство острой, как отравление, любви. Любви к собственной жизни. Такой юной и прекрасной. Посему я, не хуже чем пехотинец нашей доблестной армии, упала ниц и, используя любимый способ передвижения завсегдатаев кабака Сэма, по-пластунски шустро поползла к кровати. Ввинтилась в просвет между полом и днищем и залегла.

В озадаченное лицо муженька, появившееся спустя пару секунд, полетела походная сумка, квартировавшая под кроватью.

Послышалось сдавленное шипение. Видать, попала-таки по сиятельному носу. Прозвучавшие далее слова, смысл которых никак не вязался с интонацией, в которой проскальзывали явные матерные нотки, заставил меня занервничать еще больше. Хотя казалось: куда уж сильнее-то?

– Леди, я прошу прощения, что не предупредил вас, но объяснение моих поступков займет уйму времени, которого у нас с вами нет. Прошу, вылезайте из-под кровати…

«Да чтобы у тебя все клапана заклинило! Нашел дуру», – подумала я со злостью. Рука потянулась к голенищу сапога, где был припрятан мой любимый гаечный ключ: без боя не дамся.

То ли Хантер почувствовал, что при повторной попытке выступить парламентером огребет по полной, то ли просто решил отвлечь меня болтовней, готовя какую-то грандиозную гадость, но попыток штурма моей пыльной и паутинной обители больше не последовало. Зато в тишине прозвучало:

– Вчера вы дотронулись до горбуна, которого я преследовал, и непонятным мне образом сумели разорвать привязку. Я отчетливо почувствовал переход души.

– Это ты про полупрозрачного хмыря в кителе? – уточнила я, поудобнее перехватывая гаечный ключ.

Ответом мне была тишина.

– Вы его видели? – голос говорившего заметно осип. Как будто для него это было потрясением.

– Не только видели, но и послали, – в нашу беседу включился третий. Вернее, третья – моя шизофрения.

Ее призрачные подметки как раз оказались на уровне моего носа. Подозреваю, что верхняя часть полупрозрачного корпуса сейчас как раз вынырнула из середины кровати.

– Простите… что? – прокашлял Хантер, словно чуть не подавился собственными словами.

– Вот так, дорогой лорд Элмер. Еще недавно о личной аудиенции со мной просили лучшие красавицы империи, а не далее как вчера я узнал много интересных выражений, – продолжил как ни в чем не бывало этот ябеда.

– Ваше высочество, но как вам сейчас самостоятельно удалось покинуть тело носителя? – уже гораздо более уверенно спросил Хантер.

До меня же, как до глупого джейрана, начало доходить: накануне я чуть не обложила кронпринца. В свое оправдание могу лишь сказать, что я руководствовалась принципом: мало или неправильно посланный призрак, как и парень, становится жутко надоедливым.

– У моей носительницы оказалось до невероятного стабильное сознание – это настолько крепкий якорь, что я могу спокойно покидать ее тело.

– Тогда, ваше высочество… – по смыслу так и просилось слово «какого», но блондин предпочел заменить его не менее красноречивой паузой, – не предупредили меня о том, что вы в ней? Мне бы не пришлось применять заклинание экзорцизма и затем лицезреть этот тараканий забег под кровать.

– Все оказалось весьма внезапно и… интересно, – хмыкнул фантомистый собеседник. – К тому же столько позитивных впечатлений разом я давно не получал: кому при дворе расскажи, что в первую брачную ночь холодный как лед разбиватель сердец и глава имперского сыска будет выманивать свою жену из-

под кровати, – не поверят. Кстати, советую вам, лорд, надеть на голову шлем, если решите еще пообщаться с этой юной особой. У нее в руках разводной гаечный ключ.

– Я тебе… то есть вам это припомню, ваше призрачное высочество, – я смутно представляла, как обращаться к венценосным особам, но вроде как «тыкать» им все же не положено.

– Вылезайте уже… леди Элмер, – последние слова прозвучали с издевкой. – Клянусь честью, что более не буду применять к вам заклинания и пытаться убить. Все, что надо, я уже увидел.

– А откуда мне знать, есть ли у вас вообще то, чем вы клянетесь? – пошла я на наглость. – Вон старушка Эмма всегда говорит «зуб даю» и при этом ухмыляется во весь рот. А в нем, кстати, даже захардяшного клыка с дуплом уже лет двадцать как нет.

Думала, Хантер, как и всякий уязвленный аристократ, разозлится: как же – усомнилась в самом дорогом. Ведь судя по поговорке, что ходила о сиятельных: «душу – двуликому, сердце – возлюбленной, жизнь – императору, честь – никому», эти ушастые лорды могли заложить ростовщику последние портянки, но не эту самую честь.

То ли молва врала, то ли сиятельный мне попался бракованный, но вместо того, чтобы замолчать, обидеться и уйти (лучший из вариантов) или в гневе испепелить меня пульсаром (увы, и такой исход был возможен), этот ненормальный расхохотался.

Я, огорошенная таким поворотом, решила спросить у самого адекватного в нашей компании – у своей шизофрении:

– Ваше величество… – вспомнила, что император вроде как еще жив, и решила исправиться: – то есть высой… чхи! – В нос попала пыль и не дала мне договорить – я чихнула, треснувшись макушкой о днище кровати. Решила, что это знак свыше: не нужно пытаться освоить дворцовый этикет в столь сжатые сроки. Плюнула на расшаркивание и обратилась к видению, как привыкла: – Не знаешь, призрачный, чего это он?

Полупрозрачные сапоги потоптались у моего носа, послышался шепот на уровне ультразвука, а потом ноги кронпринца и вовсе исчезли, провалившись под пол. Зато на уровне моего лица, прямо из досок, возникла призрачная голова, сверкающая хитрой улыбкой от уха до уха.

– Юная леди, вы весьма проницательны. Насколько мне известно…

Договорить он не успел, поскольку его витиеватую речь прервал истошный женский визг, а затем грохот и ор. Как и всякий крик души – исключительно матом.

Хантер, догадавшийся о причине ударной звуковой волны, лишь ехидно заметил:

– Думается, что ноги вашего высочества произвели неизгладимое впечатление на местных прелестниц.

Я прыснула, представив тетушку Фло, поцелованную черной оспой и способную одним ударом уложить взбесившегося быка в роли «прелестницы». Да будь этот кронпринц хоть на грамм материален – могу поспорить на последний медяк, она бы выдернула его из потолка за ноги и не погнушалась вымыть привиденистым высочеством пол – чтобы не пугал своими благородными ходулями благочестивых столичных горожанок.

Принц же, узнавший много нового о своем династическом древе, а также получивший в родственники много новых лиц: от шелудивой дворняги до всенижних инфернов, моментально вынырнул из-под пола и даже завис в воздухе в двух ладонях над досками. Хантер же вернулся к предмету свой клятвы:

– Жертвуют честью, чтобы спасти репутацию, в основном фрейлины императрицы. Я же к оным не отношусь даже с натяжкой. А посему я клянусь тем, чего у меня отнять попросту нельзя.

– Кстати, о том, что лорд Хантер – бесчестный человек, ему постоянно напоминают, – съехидничал призрак, – правда, в основном когда он отказывается взять в жены очередную любовницу, возомнившую себя без пяти минут леди Элмер.

Кажется, я начала понимать, почему кронпринц ныне пребывает в привиденистом виде: из-за такого отвратительного характера даже у меня, знавшую высочество меньше суток, чесались руки его придушить. Что уж говорить о тех, кому ежедневно приходилось выносить эту язву. Впрочем, вслух я сказала совершенно иное:

– Я смотрю, вашу дружбу даже песчаные демоны не разорвут…

– О да, – тут же откликнулся Хантер, – наша «дружба», как ты, моя дорогая супруга, выразилась, долгая и продуктивная. Я уже семь лет вытаскиваю высочество из неприятностей. Но в этот раз Микаэль умудрился потерять в своих «приключениях» не просто голову, но и все тело.

Призрак ничего не ответил на это едкое замечание, и я уже было подумала, что он предпочел гордо отмолчаться, когда Микаэль заговорил:

– А ты думал, каково это, когда просыпаешься и засыпаешь под взглядами твоих шпиков? Когда каждый твой вздох, жест, улыбку – оценивают, взвешивают. Может, мне иногда хотелось просто побыть одному?

Так, судя по всему, кого-то из венценосных прорвало. Вот только Хантер не имел за душой и крупинки сочувствия:

– И ты предпочитал «быть один» преимущественно в игорных клубах, на бойцовских рингах и в «крольчатниках» с веселыми девочками?

Мне стало интересно, чем будет крыть наследничек, и я даже высунулась из своего укрытия. Полупрозрачный кронпринц, к моему удивлению, не изображал оскорбленную невинность и даже не выглядел надменно-неприступным. Этот подлец только бросил:

– Твоя жена вылезла из-под кровати, хватай ее!

Я задохнулась от возмущения. Оказывается, весь этот спектакль с визгами-ногами эти двое разыграли с одной-единственной целью: выкурить меня из убежища. Не иначе, я испугаюсь и сигану из-под кровати. Но когда не выгорело, в ход пошли чистосердечные признания – самая лакомая наживка для женского

любопытства. На что я, как и всякая девушка, купилась.

Эту простую истину и осознала, болтаясь не хуже кутенка, когда Хантер держал меня за шкирку.

– Ваше высочество, спасибо, что подыграли, – отстраненно поблагодарил супружник.

Микаэль лишь поджал губы и процедил:

– Не за что, но упоминать про крольчатник было излишне, это все же личное.

– А нельзя меня было просто попросить вылезти? – решила и я вставить свой медяк в расшаркивания сиятельных.

– Ты бы не вылезла, – веско бросил мой ушастый супружник, ставя меня на пол. – Не вздумай убегать. В следующий раз я не буду столь любезен, а попросту спеленаю тебя заклинанием и вытащу из норы, в которую забьешься, хоть за ногу, хоть за волосы.

Я ничего не ответила, лишь мысленно погладила любимый гаечный ключ, который выронила в результате короткого и неравного боя со своим новоиспеченным муженьком.

– И еще: никогда не сомневайся в чести сиятельного, если не хочешь лишиться головы, – холодно бросил Хантер.

Его фраза окончательно убедила меня: у моего мужа чести нет вовсе.

Меж тем лорд, больше не обращая на меня внимания, поднял с пола сюртук и выудил из здоровенной походной сумки, которую я недалече использовала в качестве метательного снаряда, замшевую куртку наездника. Выгоревшая настолько, что темно-коричневый цвет местами стал почти желтым, потрепанная, она говорила о своем хозяине красноречивее его самого.

Не иначе, этот сиятельный провел в седле не меньше месяца. Интересно, а сколько же минуло с тех пор, как кронпринц стал привидением? До нашей

Столицы вести всегда доходили с опозданием: так у леди Изольды несколько лет висел портрет «нынешнего» канцлера, пока ей один ушлый караванщик не сказал, что почтенный «Железный лорд» уже четыре года, как преставился. И тут же предложил купить у него портретик нового министра. Должно же в государственном приюте иметься изображение главного по имперским богадельням?

На коммерсанта директриса тогда плюнула. Отдавать целый золотой за посредственную мазню – не в ее правилах. Она поступила гораздо мудрее: затерла характерные черты лица на изображении почившего «Железного лорда» влажной тряпкой так, что теперь каждый смотрящий на картину, используя собственное воображение, мог сам представить, как выглядит новый министр. А что? Удобно и каждый раз портретик нового чиновника покупать не нужно. А одежда у всех канцлеров одинаковая – парадный мундир.

Хантер же, не подозревая о моих мыслях, рылся в своем бауле. Блондин нашел какую-то пеструю ткань и скривился, но потом, кивнув своим мыслям, выдал: «Подойдет» – и вручил мне сверток.

Когда я развернула яркую тряпку, оказалось, что это широченный шарф, которым меня можно обмотать с ног до головы. Странно… Этот предмет явно из женского гардероба. Что он делает в мужской походной сумке?

– Никак матушка постаралась? – понимающе ухмыльнулся призрак, глядя на мое вытянувшееся лицо и недовольную гримасу Элмера.

– Да, – со вздохом признался супружник и, отринув этикет, по-простому перешел на «ты». – Представь, когда она вручала мне этот шарф, снятый, к слову, с собственной шеи, то говорила, чтобы я не вздумал простудиться.

Меня при его словах заклинило не хуже, чем проржавевшие шестеренки. Подхватить простуду в наших краях – все равно что наткнуться на головореза-проповедника. Вроде как теоретически и возможно, но…

Видно, у моего муженька очень заботливая матушка. А потом до меня, как до безголового голема, дошло: это не только его родительница. Это и моя свекровь! И пусть угроза казалась чисто гипотетической – слинять от лорда Элмера я планировала гораздо раньше, но все же. Если она о своем великовозрастном

дитяте так печется, что шарфики от простуды ему вручает, то что может ждать меня?

Из ступора меня вывел голос блондина:

– Накинь на макушку, а то напечет и голова будет болеть.

Подумала, что у меня, кажется, башка уже и так трещит, безо всякого солнечного нокаута.

И лишь потом поняла – несмотря на все закидоны лорда, он все же решил обо мне позаботиться: южное солнце целует кожу столь горячо, что может и содрать ее.

В первый год жизни здесь я напоминала ящерицу, постоянно сбрасывавшую шкуру. Правда, кусками. Но потом светило то ли приняло меня за свою, то ли я притерпелась… Но и сейчас – не будешь осторожен, палящие лучи плеснут на тебя солнечного кипятка.

Призрак меж тем озадачился совершенно другим вопросом:

– Выяснили, кто виновен в моем теперешнем состоянии и почему все это произошло? А то я ничего не помню с того момента, как на дирижабле мне на шею накинули силовой аркан.

– Да, – деловито бросил Хантер, надевая куртку. – И кто виновен, и почему. Вот только если мы не поторопимся, то призраков станет на две души больше.

Его заявление возымело эффект скипидара. Я отбросила размышления и споро начала наматывать на голову и лицо шарф. Раз муж сказал, что нужно делать ноги, – значит, делаем. Ведь не даром кочевники говорят, что бег весьма способствует продлению жизни: сумел удрать от неприятностей – сумел и выжить. Преисполненная мудростью странников песков, я вместе с муженьком (кронпринц предпочел исчезнуть, растворившись в воздухе) покинула комнату и уже через несколько минут уселась в седло ящера, даже не подозревая, что это начало забега через всю империю.

Я оказалась в переднем седле, а Хантер уселся сзади. Зверюга мотнула лобастой башкой. Недовольно брякнули удила.

Сиятельный бросил короткое: «Но!» – и ящер, загребая массивными лапами, тронулся в путь. Сначала неспешно, пока мы ехали по улицам. Но как только оказались за околицей – припустил во всю прыть. Никогда бы не подумала, что воздух может быть таким холодным и твердым.

Нет, на ящерах ездить мне доводилось, но только сейчас я поняла, что до этого мне попадались лишь дохлые ползуны. Децли оказался таким же ненормальным, как его хозяин. За полдня в седле мы преодолели недельный путь караванщиков и пересекли границу Анчара.

Впереди показались предгорья, а на горизонте, в голубой дымке – плато Раздора.

Рассказывали, что оно, когда-то ровное, как ладонь, оказалось рассечено, если верить патеру, гневом двуединого. Видать, тяжелый характер у нашего божества: больно уж часто, можно сказать – по расписанию, оно гневалось, насылая всякие напасти. Как по мне, регулярнее двуединого сердилась только жена пропойцы Эмтира, который добирался до дома каждый день в одинаково проспиртованном состоянии, но новым способом: то на бровях, то в зюзю, в дрова, в хлам, нахрюкавшись, заложив за воротник, залив зенки или в уматину.

По другой версии, разлом появился на плато оттого, что земля просто тяжело вздохнула. Сама же я не верила до конца ни в одну из версий, потому как не видела этого самого плато ни разу в жизни, хотя слышала о нем столько, что хватит на три пары ушей.

Суховей немилосердно кидал пригоршни песка мне в лицо, ящер несся так, словно под хвост ему вылили ведро горящего черного земляного масла, Хантер держал меня стальной хваткой: захоти я убиться, выпрыгнув из седла, даже дернуться бы не получилось. Призрак хранил полумолчание. От полного безмолвия оно отличалось тем, что сопровождалось едким хмыканьем, когда шальной Децли разгонялся настолько, что я малодушно закрывала глаза, молясь. К слову, просила я двуединого в основном о том, чтобы в случае падения моя шея сломалась сразу и я не мучилась несколько дней без воды и еды одна, с перебитым хребтом: с этой ненормальной тварюги упасть, отделавшись

раздробленной ключицей или оторванной рукой, казалось, было нереальным счастьем. Правда, иногда увещевания божеству разбавлялись проклятиями в адрес двух сиятельных. Одного – эфемерного, второго – вполне реального.

В общем, наша прогулка представляла собой идиллию, в которой муж невозмутим, жена – звереет.

Когда Хантер объявил привал, солнце уже перешло зенит и светило втрое яростнее утреннего.

Ящер остановился столь резко, что я едва ласточкой не сиганула через холку рептилистого транспорта. Спасибо крепкой хватке благородного супружника.

Тишину вокруг разбавляли лишь песнь ветра и шуршание сухой травы, обретавшейся меж песчаника лишаистыми проплешинами. Впереди сиял серебром солончак, настолько похожий издали на озерца, что это напоминало издевательский кукиш матушки-природы незадачливым путникам.

Сиятельный, первым спрыгнув с ящера, протянул ко мне руки и скомандовал:

– Давай слезай!

Шуршание повторилось еще ближе, вызвав у меня не самые приятные воспоминания. По спине, несмотря на жару, пробежали мурашки.

– Умирать не хочу! И тебе не советую, – крикнула я и повела себя в лучших традициях недотроги из сказочной башни. Правда, за неимением длиннющей косы, протянула Хантеру руку, чтобы тот быстрее взобрался в седло.

Сиятельный с недоумением воззрился на аналог косы Опунцель (вроде бы героиню легенды назвали именно так, в честь кактуса, а может, и наоборот: кактус в ее честь; если последнее – значит, принцесса была той еще «красоткой»).

Мое пояснение: «Гремучник!» – сопровождаемое ритуальной фразой хромого Джо, когда тот с размаху целовал затылком перекладину в мастерской, не возымело должного эффекта. Я-то думала, что Хантер залезет в седло, на худой

конец – как-то озаботится спасением своей чокнутой головы от полоза. Последний, двадцати локтей длиной, раззявил свою пасть. Как-то сразу вспомнилось, что укус этой твари заставляет откинуть подметки через пару вздохов.

Не то чтобы вдовий наряд мне не шел… Черный хорошо смотрится на смуглянках. Но как-то становиться бывшей миссис Элмер посреди песков, когда до ближайшего жилья – сотни лиг, а ящер навряд ли послушается моей руки, удовольствие сомнительное. Так что я поспешила сообщить этому аристократистому тормозу о том, что за зверушка покачивает перед ним своей треугольной головой, приближаясь и гремя хвостом.

– Знаешь, кажется, мы вторглись во владения песчаного хозяина. Самое разумное – извиниться и уйти, – начала я шипеть разъяснительную лекцию, не переходя на крик, чтобы не провоцировать полоза. – И к сведению: на гремучников не действует магия. Они ею питаются. Поэтому магов любят особенно. А сиятельные, подозреваю, для них вообще – редкое и питательное лакомство.

Вот только судя по реакции Хантера, он страдал эпизодической глухотой, слепотой и к тому же имел зачаточный инстинкт самосохранения: на мои слова, протянутую руку и понукания его животины он никак не прореагировал. Зато его кисть с пряжки ремня плавно двинулась вбок.

Гремучнику этот жест понравился еще меньше, чем мне, и он, обнажив клыки, совершил бросок вперед не хуже распрямившейся пружины.

То, что произошло дальше, заставило меня вскрикнуть, ездового ящера недовольно мотнуть башкой, змею – распрощаться с головой, а Хантера – поморщиться.

– И незачем было так орать. Я прекрасно знаю, что представляет собой эта рептилия, – невозмутимо заявил блондин, убирая револьвер обратно в кобуру. – К твоему сведению, этот так называемый гремучник – лярва степная. Класс опасности – третий. Условная нежить.

– Ик! – выдала я с перепугу в ответ на его просветительскую речь.

Передо мной лежала мертвая змеюка, а перед глазами стояла совершенно другая картина: окраина города, пустырь и мы, приютские, сбежавшие с очередного урока «облагораживания духа», или попросту прополки грядок. Гремучник тогда попался небольшой, полтора локтя всего. Ползучий гад тяпнул Мэта за лодыжку и начал пить.

Пацана спас в тот раз Хромой Джо, посланный за нами леди Изольдой, обнаружившей огородный саботаж. Нож, пришпиливший тело гремучника. Извивающийся хвост гада и навсегда перекошенное лицо Мэта. Парень так до сих пор и улыбается лишь половиной рта и смотрит на мир одним глазом.

Я тряхнула головой, прогоняя картины прошлого, и уставилась на панораму настоящего.

– Знаешь, мне не особо интересны титульные позывные гада, желающего мной подзакусить. Достаточно знать, как он выглядит и как его можно прикончить, – изрекла я, спрыгивая на уже безопасную землю.

– Печально, что моя, пусть и временная, и недалекая, как только что выяснилось, супруга не желает тянуться к знаниям и развивать свой скудный интеллект, – последние слова Хантер почти прошептал мне в ухо, умудрившись меня поймать, как я ни старалась приземлиться самостоятельно.

Ирония в его голосе показалась мне сродни глотку виски: жгучая, вызывающая желание поскорее «заесть» ее ответным колким словцом.

– А я где-то слышала, что благородные так воспитаны, что не хамят женщинам. Выходит, ты либо не настоящий лорд, либо твои родители экономили на воспитании.

– Сиятельные лорды не «хамят», как ты выразилась, истинным леди. Ты же, Тэсс, к ним явно не относишься. Поэтому знай свое место.

Мы стояли близко. Очень близко. Я даже могла почувствовать стук его сердца, его запах, в котором перемешались ноты хвои, моря и грозы. Разглядеть череду дырочек в мочке уха, услышать дыхание.

«Романтишная поза», – так выразилась бы Кайма – любительница сплетен и лямурных историй (хотя порою это одно и то же) и моя соседка по койке по совместительству. Откуда она почерпнула это выражение, как и ему подобные, – оставалось для меня глубокой тайной и по сей день, но щеголяла она ими регулярно к месту и не очень. Но я ее ценила не за эту тягу к словесам.

Рыженькая подруга наверняка увидела бы в сложившейся ситуации едва ли не преддверие первого поцелуя. Я же оценила свое положение сильной степени прижатости к мужскому телу с другой стороны: захоти врезать – ничего не получится. Замахнуться нельзя, ногу согнуть – проблематично, разве что лбом в переносицу. Но тут опять же – попробуй до этого прямого аристократического носа еще допрыгни. Хотя…

– Даже не думай, – словно прочитав мои мысли, предостерег Хантер и еще крепче сжал мои плечи, – вчера тебе удалось застать меня врасплох лишь по одной причине: я не спал трое суток подряд. Сегодня этот номер не пройдет.

– Не больно-то и хотелось, – буркнула я и сделала то единственное, что могла. Протестующе запыхтела, как ушастый песчаный ёж.

– Давай расставим все точки над рунами, – примирительно начал Хантер, здраво рассудивший, что нет хуже врага, чем женщина, задумавшая месть. Хотя в моем случае не совсем женщина. И не месть, а скорее обиду. Но все же.

Предусмотрительно сиятельный сделал полшага назад. Впрочем, не отпуская меня, словно я могла задать стрекача.

– Мне пришлось на тебе жениться, чтобы как можно скорее доставить в Альбион. Так уж вышло, что ты стала двоедушницей. Видимо, у тебя есть способность к магии, иначе разорвать плетение ты бы попросту не смогла. И твой разум, сознание достаточно… – он замялся, словно подбирая подходящее слово, – стабильны, чтобы удержать еще и дух Микаэля, как иные маги удерживают в мыслях матрицу заклинания.

Под конец своей речи Хантер все же не удержался от подколки:

– Хотя, возможно, ты так легко утянула душу кронпринца, потому что твоя голова абсолютно пуста…

Именно этот момент выбрал предмет нашего обсуждения, чтобы объявиться.

– Простите, что вмешиваюсь в ваш обмен любезностями, но хочу заметить: неплохо бы добраться до плато к ночи. Здешние пески, насколько я помню из книг, весьма опасны после заката.

Я хмыкнула про себя: по мне, так обитатели домов благополучного Альбиона куда как страшнее. Здесь опасность – гремучники и варраваны, мелкие скорпионы и здоровенные подземные щитники с глотками, полными зубов. Последние любят выныривать из дюн с намерением подзакусить лодыжкой очередного глупца. Хорошо, что они обитают только в долине блуждающих песков.

А вот благообразные горожане Альбиона… У них нет зубов и когтей, луженых глоток и щупалец. Зато их доносы могут лишить не только ноги или руки, но семьи и крова. И сиятельный судья не будет особо вникать в суть, потому что поскорее захочет отделаться от очередного подсудимого и отправиться домой, где наверняка его ждут теплый семейный ужин, камин, расторопные слуги.

– Высочество боится потерять еще одно тело? – съерничала я. – Не стоит переживать. У нас есть один ненормальный. Думаю, ради короны он позволит подзакусить собой, пока мы будем удирать.

Хантер иронично изогнул бровь и, отпустив меня, выдал:

– Даже не рассчитывай. Я еще не сошел с ума.

Оставив за собой последнее слово, мой временный муженек гордо повернулся спиной и зашагал к безголовому гремучнику, который виртуозно прикидывался шлангом.

Я лишь покачала головой. Но видимо, не в правилах кронпринца было оставлять последнее слово за противником, поскольку в спину лорда стихий полетело:

– И о своей нормальности говорит тот, кто поджег корпус боевых магов…

– Я просто хотел узнать, выучили ли адепты параграф «Экстренная эвакуация»… – бросил Хантер через плечо.

Мне стало интересно: неужели этот сиятельный даже студиозусом отличался оригинальным мышлением?

– И как отреагировали его одногруппники? – решила я узнать развязку этой истории, обращаясь к привиденистому кронпринцу.

– Почему одногруппники? – удивился дух. – Он тогда преподавал в академии.

На это заявление я лишь помотала головой: с таким оригинальным подходом к решению проблем страшно даже предположить, каким способом Хантер отыскал душу кронпринца.

Муженек, не подозревая о моих мыслях, уверенным шагом подошел к гремучнику, достал нож из-за голенища сапога и оттяпал то, что осталось от башки ползучего гада, от змеевистого тела. Поддев на лезвие ошметки головы полоза, он замахнулся и отправил их в полет. А потом невозмутимо повернулся к ездовому ящеру и скомандовал:

– Еда.

Децли накинулся на гремучника не хуже профессиональной свахи на симпатичного богатого холостяка. Не выпуская из пасти туши полоза, ящер с энтузиазмом и упоением начал его заглатывать.

Мне же от Хантера досталась гораздо менее питательная фляжка. Сделав небольшой глоток, я подержала воду во рту, несколько раз прогнав ее по деснам. Привычка, приобретенная в Анчаре, позволявшая напиться гораздо быстрее и меньшим количеством жидкости.

Я отдала фляжку сиятельному, отпив ровно половину. Хантер на это лишь хмыкнул и осушил ее одним глотком. Глядя на этот жест, я подумала, что на такого непутевого благородного воды в песках не напасешься. Зато привиденистый дух в этом плане – эталон экономии. Ему жидкости не требовалось вовсе, впрочем, как и еды. О последнем желудок напомнил

негромким, но настойчивым завыванием, как блеяние побирушки, требующей милостыню.

Блондин, взявший на себя роль шеф-повара, на прозвучавшую руладу поинтересовался:

– У меня есть вяленое мясо, сыр и хлеб, – начал перечислять он, выуживая из котомки свертки. – Что будешь?

И он еще спрашивал?

– Ага! – воодушевленно сообщила я, и схватила одной рукой кусок сыра, второй – ломоть хлеба.

Откусив от каждой добычи и тем самым приватизировав ее, я начала споро закидывать калории в себя, как машинист паровоза – магические шары в топку.

С утра у меня во рту не было ни крошки, к тому же такие волнительные события, как собственная свадьба, весьма способствуют аппетиту, а уж если тебе предлагают не баланду из бахчи или отрубей, а вкуснющий сыр и белый сдобный хлеб… В общем, не более чем за пять минут Хантер обеднел на внушительный кусок сыра и полковриги.

– И куда в нее только влезает, с виду такая тощая… – донеслось до моего слуха едкое замечание кронпринца, когда я расправлялась с остатками хлеба.

– А ваше полупрозрачное высочество вообще на просвет можно рассматривать, а если ветер подует – то и вовсе улетит, даже мундир не спасет, – не осталась я в долгу.

К слову, про ветер я не врала: действительно, даже несильные порывы заставляли облик духа идти рябью. Это обстоятельство, судя по всему, доставляло привиденистому кронпринцу явное неудобство. Он то и дело морщился, но упрямо поджимал губы, делая вид, что так и задумано.

После короткой стоянки и плотного (для меня) и наисвежайшего, только что ползавшего (для ящера) обеда мы вновь двинулись в путь.

Плато, которое, сколько бы лиг мы ни преодолели, не становилось ближе, начало казаться мне каким-то заговоренным. О чем я и сообщила своим спутникам. Кронпринц, предпочитавший лишь звуковое присутствие, отринув визуальную ипостась, загадочно сообщил, что это эффект гор. Хантер пояснил куда понятнее: плато слишком большое, вот в удивительно прозрачном воздухе пустыни и создается обманчивое впечатление, что оно ближе, чем есть.

Однако сиятельные в один голос заверили, что, дескать, к ночи мы обязательно доберемся. Ну а главного реализатора этого «доберемся» – ездового ящера – эти умники почему-то не спросили, а стоило бы.

До плато Раздора к закату мы так и не доехали. Застряли мы аккурат у подножия. Хантер заявил, что в сумерках взбираться вверх, да еще и на ящере, – значит свернуть себе шею качественно и наверняка. Оттого решили заночевать в предгорье. Благо мы наткнулись на ручеек, русло которого было не шире ладони.

На ночлег устраивались основательно. Ящер долго крутился, словно вытаптывал себе гнездо, и наконец улегся. Супружник достал из своего баула огненный камень и водрузил на него котелок с намерением приготовить что-нибудь горячее, призрак на манер флагштока поднялся над нами и обозрел окрестности. Я же размяла закаменевшую поясницу. Пока пыталась вернуть нижней части спины чувствительность, нет-нет да краем глаза косила на багровый камень – редкий и весьма ценный предмет, который мог позволить себе далеко не каждый. Он раскалялся за считаные минуты, не дымил, согревал и дарил свет, как костер, но не требовал дани в виде дров, торфа или кизяка. А еще никогда не подводил и исправно работал, даже будучи брошенным в прорубь. Вот только «камнем» его лишь называли. На деле это была здоровенная прямоугольная каменная шкатулка с залитыми свинцом швами, внутри которой находились сложный механизм и магический аккумулятор.

Хантер придирчиво рассматривал содержимое мешочка. Долго, пристально, как будто улику изучал. Потом высыпал на ладонь горсть зерна, в котором отметились крупяные вошки, и, скривившись, вернул его в недра котомки. Лорд стихий уже начал стягивать веревку, когда рассеянно глянул на меня. Остановился.

– Тэсс, – начал он с сомнением. – А ты вообще умеешь готовить?

Ну, сиятельный… Умудрился задать вопрос, оскорбительный как для благородной леди, так и для кухарки. Правда, если высокородная, скривившись, бросит сквозь зубы: «Конечно же нет!» (и правда, утруждать холеные ручки готовкой – нонсенс), то повелительница половников и сковородок оскорбится до глубины души. А как иначе – ведь усомнились в ее профессиональных навыках.

Впрочем, я не была ни той, ни другой, поэтому лишь уточнила:

– Смотря что.

– Кашу. Обычную кашу, – протянул блондин и всучил мне в руки котомку. Пока я подыскивала подходящий ответ, Хантер решил закрепить успех и высказать свои гастрономические пожелания: – И желательно, чтобы она не напоминала клейстер.

– Не переживай, милый супруг, твой фирменный рецепт повторять не буду, – я ткнула пальцем в небо, но по тому, как скривился лорд, поняла: таки попала! Мне в мужья достался тот еще кулинар.

Пришлось оказывать помощь этому безрукому: я перебрала крупу, закинула ее в котел, посолила и начала помешивать.

Когда каша разварилась как следует, Хантер напоминал влюбленного, изнывающего под окнами дамы своего сердца. Он нарезал круги, гипнотизируя ложку, помешивавшую варево, вздыхал на жестокосердную меня, не позволявшую воссоединиться двум половинкам, и томился от нетерпения.

Наконец добравшись до еды, сиятельный начал активно орудовать ложкой, но делал это, к моей черной зависти, не теряя изящества, словно был на приеме.

Отужинав, мы залегли спать. Уже проваливаясь в объятия дремы, я почувствовала, как чьи-то руки заботливо поправляют плед и подтыкают края, чтоб я не замерзла. Ночи в предгорьях, как и в песках, – отнюдь не жаркие. А вот пробуждение оказалось не столь приятным и радостным – от холодка лезвия, приставленного к моему горлу.

Открыв глаза, я убедилась, что Хантер находится не в лучшем положении: с ятаганом у груди и связанными руками.

Те, кто выступил в качестве будильника, устроив нам столь оригинальный подъем, не были похожи ни на бандитов, ни на кочевников. Для первых – слишком чисты и опрятны (драные локти сюртуков, грязные ботинки – не в счет), да и лиц косынками не закрывали, для вторых – чересчур странно одеты (ни тебе чалмы, венчающей чело, ни халата, а все больше изыски моды Альбиона, где царствуют дамские корсеты и мужские пиджаки). В общем, крайне странные типы, с оружием, неуместно смотрящимся в их руках. Как будто карабины и ятаганы они выменяли у местных, а то и вовсе подобрали на помойке. Родной нож или рукоять любимого револьвера так в ладони не лежат.

Скосив взгляд на одно из лезвий, которым основательно подзакусила ржавчина, я все больше склонялась ко второму варианту. Такой сталью тяжело резать плоть. Да что резать, даже пилить – и то проблематично. Тем не менее парень, больше всего напоминавший столичного студиозуса, гордо тыкал этой железякой в грудь Хантера. Трое его коллег по разбойничьему цеху бдели рядом. Один – громила с кулаками, напоминавшими кузнечные молоты, и рукояткой ножа, торчавшей из голенища сапога, второй – пижонистого вида хмырь в очках с красными стеклами, в цилиндре и при карабине, а третий, вернее, третья – девица разбитного вида. Она-то и жаждала пошинковать мою шейку на манер молочного кабачка.

Муженек почему-то не особо проникся грозящей нам участью.

– Говори, куда ты, паскуда, дел кулон! – фальцетом взвизгнул пацан, чуть вдавив острие в грудь сиятельного.

Студиозус ожидал, что сталь хотя бы проткнет ткань и разрежет кожу, чтобы капли крови эффектно скатились по лезвию. Но оружие, смененное по дешевке, повело себя в лучших традициях шарлатана: не выполнило возложенных на него надежд и прогнулось коромыслом.

В отличие от стушевавшегося паренька, Хантера это не смутило. Супружник зевнул и изрек:

– Какой еще кулон? Я с утра без трубки связно не могу мыслить…

Амбалу, бывшему в этом квартете силовиком, слово «переговоры» было незнакомо. А как иначе объяснить то, что он стремительным шагом подошел к сиятельному и врезал ему в челюсть?

Хантер, не будь дурак, на второй удар этого отбойного молотка не стал нарываться, а благополучно потерял сознание.

– Достал этот пустозвон, – изрек громила в ответ на осуждающий взгляд пижона.

– Тебя он достал… – протянул любитель смотреть на мир в кровавых тонах. – А нам теперь что прикажешь делать?

– Может, она что-то знает? – последовал кивок студиозуса, оставшегося без своего «клиента», в мою сторону.

Признаться, быть солисткой, на которой сошлись взгляды всех зрителей, мне отчего-то не понравилось.

Ящер, изображавший овощ на полставки, лежал неподвижно. Слишком неподвижно. В то время как вертикальный зрачок бешено перемещался с одного бандита на другого.

«Заклинание стазиса», – подсказал откуда-то голос кронпринца. Сам венценосный дух предпочел оставаться невидимым. Может, это и к лучшему. Грозное и неожиданное «Ух!», выкрикнутое в ухо, может иметь ошеломляющий эффект. Особенно если тот, кто его услышит, стоит на краю обрыва…

– Может, и знает, – задумчиво протянул щеголь, подходя ближе.

Внимательный и какой-то липкий, раздевающий взгляд прошелся вверх от подошв моих сапог, задержался чуть выше корсета, аккурат где квартировал вырез блузки, а потом приклеился к лицу.

Хлыщ мотнул головой, и громила в два шага оказался рядом со мной.

– Итак, я полагаю, передо мной юная миссис Элмер? – начал, паясничая, главарь.

В том, что пижон и есть главнюк этой банды, сомневаться не приходилось. Слишком уверенно распоряжается остальными, отдавая приказы даже не словом, взглядом. С амбалом тоже все ясно. Паренек – судя по его замашкам – подбрех, что тявкает, пока чувствует за спиной силу, а вот девица… Что она здесь забыла? Хотя и без нее компания, мягко говоря, странная.

Я почувствовала, как лезвие отстранилось от моего горла, но не успела выдохнуть, как под подбородком оказалась рука громилы, сдавившая шею.

Амбал приподнял меня, так что ноги засучили в локте от земли. Я выразительно захрипела.

– И что нам поведает новоиспеченная леди Элмер об одном милом кулоне, который наверняка сейчас находится у ее супруга? – начал хмырь.

Под конец его речи меня даже опустили на землю. Ну как опустили: носками я едва могла коснуться камней под ногами. Тем не менее вздохнуть получилось.

Пока мы с главнюком вели великосветскую беседу, девица бесцеремонно обшаривала наши вещи. Видимо, разговоры разговорами, а проверка лишней не бывает.

– Какой еще кулон? – я постаралась потянуть время.

– Принадлежавший нашему другу, Гансу. Парень был хороший, хоть и горбун, – с наигранной печалью присовокупил хлыщ. – Как рассказали свидетели, его вчера убил твой муженек. Пульсаром. Да еще и сжег кучу всего.

Теперь мне все стало понятно. Вот только боюсь, что, если расскажу всю правду об участи, постигшей амулет, жить мне останется совсем чуть-чуть. Мозг лихорадочно заработал, ища выход.

Меж тем главарь, задумчиво изучавший меня, изрек:

– Интересно, а зачем лорду было жениться на деревенщине, у которой ни копейки за душой, да еще и тащить ее с собой в столицу? И не просто так, а в качестве законной супруги? Хотя не спорю, мордашка у тебя симпатичная, но, думаю, она не окупит всего. А может, ты в постели дашь форы столичным куртизанкам?

Он протянул руку и бесцеремонно ощупал грудь сквозь рубашку.

Я не могла дернуться – громила все еще держал меня за шею.

Девица предвкушающее оскалилась в ожидании потехи. Но вот недоуменный взгляд пацана отрезвил. Студентик смотрел на главаря так, словно для него такое поведение хлыща было внове. И я поняла, что меня провоцируют.

Если угроза смерти не развязывает язык, то, может быть, угроза потери чести будет более действенной?

Вот только эти столичные бандиты не учли одного: высокородные леди действительно порою трясутся над своей репутацией пуще жизни, но на юге зачастую, если не умеешь отстоять свою жизнь, не будет у тебя и никакой репутации. Ни плохой, ни хорошей. И тебя не будет. Вообще.

Вот только этому хмырю, как и его подручным, эту простую истину знать пока не следует. Я решила подыграть главнюку.

– Кулон, – прохрипела я, делая вид, что сейчас лишусь чувств. Маневр возымел эффект. Меня поставили на ноги, так, что я смогла дышать не в половину, а полной грудью. – Сиятельный… Проглотил его вчера. Сказал, что так надежнее.

Все произошло в точности, как я рассчитывала: взгляды бандитов метнулись к Хантеру, чем я немедленно и воспользовалась. Резко согнув ногу в колене, дотянулась до любимого гаечного ключа и со всей дури заехала разводным по затылку отвернувшегося громилы. Звук получился такой, словно я залупила по колоколу.

Зато амбал на мгновение ослабил хватку, позволив мне высвободиться. Но это оказалось не все. Пока я мило беседовала с бандитами, сиятельный не только

пришел в себя, но и умудрился высвободить руки из пут. Судя по едва уловимому душку, огненный камень сжег не только бечеву, но и подпалил лорду кожу на запястьях.

Перекатившись, Хантер метнулся к своему револьверу, валявшемуся в стороне. Как раз вовремя, поскольку место, где он мгновение назад находился, нервный главнюк, державший оружие на изготовке, изрядно удобрил свинцом.

Любоваться тем, как сиятельный уворачивается от пуль, было увлекательно, но увы, я не могла позволить себе такой роскоши, поскольку оказалась занята не менее важным процессом. А конкретно – убеганием. Выронив любимый гаечный ключ, я уносила ноги в стиле «сайгак»: быстро, качественно, перепрыгивая через валуны, которые в другой ситуации не смогла бы преодолеть, даже если бы меня подсадили.

За спиной раздался выстрел. Громыхнуло и запахло озоном. «Все-таки дотянулся», – мелькнула мысль.

Заклинания эффективны, но для них нужны свободные руки и пара мгновений, чтобы сосредоточиться. А также мозги, для мыслительного процесса. Зато револьверу – только руки. Вернее, одна рука. Голова при стрельбе не обязательна, если есть его величество выработанный рефлекс. Прямо как у курицы, которая способна носиться по двору и хлопать крыльями с оттяпанной башкой.

Я неслась не разбирая дороги, ощущая себя как та героиня из легенды, за которой гнался великан ЖЭК-потрошитель. За спиной усиленно топали, матюгались, требовали остановиться и грозились порезать меня на ремни, когда поймают. Я верила, а потому и не думала сбавлять скорость, забирая по серпантину все выше и выше. Преследователь не отставал.

Вдох. Выдох. Еще один вдох. Открытый рот. Воздух, обжигающий легкие. Галька под ногами и пласт породы, оказавшийся столь же надежным, как обещание, данное себе самому. Про такое точно знаешь: если нарушишь – тебя поймут и простят.

Я даже не споткнулась. Лишь почувствовала, как земля уходит из-под ног и я мчусь в радушно распахнутые объятия амбала.

Ладонь уже привычно сжалась на моей шее.

Спустя минуту окрестности огласил крик:

– Сдавайся, сиятельный, или я прикончу девчонку.

Я же болталась над пропастью, боясь лишний раз шелохнуться. Высота небольшая, но способная превратить меня в качественную отбивную, весьма способствовала проявлению таких черт характера, как покорность и смирение. Хотя бы внешне.

Муженек, находившийся внизу, как раз под нами, задрал голову.

Мне тяжело было разглядеть, что там творилось, но судя по тому, что пальба стихла и громила обращался не к своим, а к лорду, победа осталась все же за муженьком.

– Кидай ее вниз! Не надо будет разводиться! – крикнул Хантер.

Не знаю, кто из нас двоих больше опешил от такого заявления. Похоже, все же амбал, поскольку он пошатнулся. Порыв ветра, подкрепленный видом летящего в лицо горящего черепа, довершил начатое. Здоровяк оступился и сорвался вниз. Ну и я с ним в качестве гири, придавшей дополнительного ускорения.

Поэт, вопросивший «отчего люди не летают, как птицы?», был в корне не прав. Нужно обязательно уточнить: «Как птицы вверх», поскольку вниз мы пикировали не хуже горного орла.

Уже на подлете к земле я почувствовала, как меня за подол резко дернуло вверх. Амбал пролетел мимо и, грохнувшись, размозжил череп об один из камней.

Я сглотнула и медленно подняла голову к небу. Мне хитро щурился ящер, а его челюсти смыкались на крае моего подола.

– Умница, Децли, – Хантер подошел и похлопал своего скакуна по ноге.

В этот момент я поняла, что симпатизирую этой рептилии куда больше, чем ее двуногому хозяину. Последнему хотелось как следует врезать за его «Не надо будет разводиться».

Ящер, словно прочитав мои членовредительские мысли в отношении сиятельного, раззявил пасть, и я шмякнулась на землю, ощутимо приложившись копчиком.

Зажмурилась, сосчитала про себя до десяти, чтобы с языка не сорвались все эпитеты в адрес дорогого супружника, и лишь после этого открыла глаза.

Зрелище, представшее передо мной, впечатляло: обугленный скелет с ятаганом, девица с пробитой на вылет грудью и простреленной ногой и хмырь – обладатель шикарной пенной бороды со сгустками крови.

– Итого – ни одного живого свидетеля, – резюмировал материализовавшийся дух кронпринца.

– И надо тебе было изображать горящий череп? – невпопад просипела я, потирая горло. Наверняка сейчас на нем след как от удавки.

Впрочем, призрак не обиделся на столь резкую смену темы:

– Я полагал, что физического воздействия в виде ветра будет недостаточно.

– И поэтому решил, раз угробить – то наверняка? – проворчала я.

– Как бы ты ни думала, но с тобой все в порядке. Я был уверен, что Хантер не даст тебе погибнуть.

Ага, был он уверен! Надутый павиан!

Тут я призадумалась, поскольку название птицы, что любит раскрывать свой хвост пестрым опахалом, звучало как-то неправильно. Но заморачиваться не стала. Я была слишком занята. Злилась. Но это продолжалось первые пару мгновений. Пока мне в плечо не ткнулась морда Децли.

– Это ты их так? – обратилась я уже к блондину.

Хантер досадливо поморщился:

– Парня нечаянно зацепило рикошетом заклинания, а вот у этого, похоже, – кара.

Что такое кара, знал каждый в империи. Кара – в значении не чего-то эфемерного, а вполне конкретного: если не сдержал обещания, данного на крови, тебя настигает такая вот расплата. Смерть хоть и не долгая, но мучительная. А как же иначе, когда горло и легкие стремительно покидают лживый рот? По мне, так большинство проклятий – и то милосерднее.

– А эта, – кронпринц совершенно не по-светски подлетел к телу вплотную, – что, сама умерла?

– Нет, ее облагодетельствовал главарь, когда понял, что я собираюсь атаковать его напарницу заклинанием стазиса. Видимо, он решил, что казематы хуже смерти. Конечно, с учетом, что казематы – для него, а смерть – для другого, – иронично хмыкнул муженек. – Не думал, что у него карабин с разрывными.

Да уж. Печально. Сиятельный, видимо, хотел оглушить «красотку», после того как запечатлел свинцовый поцелуй на ее бедре, но заклинание, рассчитанное на живого, прошило тело уже мертвой и рикошетом вдарило по студиозусу. Вот только чем поклялся этот хлыщ, что его так скрутило?

Пока Хантер обходил убитых, словно ища, чем бы поживиться, я решила вернуть свое приданое, оброненное при бегстве от громилы. Когда я вернулась с любимым гаечным ключом в обнимку, сиятельный рассматривал тело главаря, а потом и вовсе наклонившись над ним, с энтузиазмом пирата, почувствовавшего близость сундука с сокровищами, закопошился у мертвого за пазухой. Итогом текстильных раскопок стали кошель с деньгами, свернутый в несколько раз пергамент, связка ключей, пустая фляжка и носовой платок, столь грязный, что рассада кабачков могла принять его за родную грядку и не прогадала бы.

На обыск девицы подтянулись и мы с Микаэлем. Он оказался не столь прибылен: пара серебрушек в ременном потаенном кармане, обрывок патографной ленты, такой маленький, что на нем уместились всего две точки, нож за голенищем и кусок хлеба, завернутый в промасленную бумагу.

Последнюю находку Хантер сразу же придирчиво изучил и… бросил мимо меня через плечо.

От звука лязгнувших рядом с ухом челюстей я вздрогнула. Оказалось, Децли, шедший за нами так тихо, что про него и вовсе забыли, поймал хозяйскую подачку.

– Ты всегда кормишь ящера тем, что судьба опрокинет тебе на голову?

– А почему бы и нет? – искренне удивился сиятельный, в этот момент напомнивший мне рачительного гнома.

Правда, бородатый народец вот уже двести лет как порвал всякие связи с людьми, и бородатых карликов не видели даже старухи, дожившие до праправнуков, но все же…

– А у тебя в родне, случаем…

Я не успела договорить, как Хантер безапелляционно закончил:

– Гномов не было!

Видимо, на моем лице удивление было написано аршинными рунами, раз его привиденистое высочество сочли своим долгом пояснить:

– А лорду Хантеру этот вопрос задают каждый раз, когда он начинает торговаться.

Представить себе сиятельного чистоплюя, пытающегося сбить цену на базаре за пучок петрушки, утверждавшего, что она не лучше полового веника? Да такое с утра вообразить бы не смог даже знаменитый на весь Анчар побасенник дед Похмель, любивший остограммиться раз этак дюжину за вечер.

После детального осмотра находок выяснилась преинтереснейшая вещь: свернутый в несколько раз пергамент оказался картой Анчара. Достаточно подробной, но старой и «официальной». Без отметин стоянок кочевников и

блуждающих песков, о которых знает каждый местный, зато наша Столица именовалась как «поселение имени Сиятельной Тринхольдини-Оделин-Лиции Цеймер-Арих». Признаться, я и не знала, почему здешняя дыра именуется Столицей. А тут оказывается, вон оно что: тройное имя и двойная фамилия какой-то благородной задницы.

По карте красной прерывистой линией был отмечен путь к границе, туда, где зиял разлом великой стены, ныне запечатанный сиятельными магами. Когда я глядела на неровный пунктир, мне подумалось: «Так ли надежно запечатанной?»

Считалось, что с востока империю омывал океан Голри, с запада обитало множество своенравных соседей, в арсенале которых не имелось столь мощной армии, как наша. Потому они славились радушием и миролюбием в отношении грозной державы, разумеется, а не меж собой. Север пугал матерых покорителей холодом ледников и отсутствием всякой жизни. А вот юг… В Альбионе даже поговорка такая ходила: «Хочешь найти путь к всенижним – начни с раскаленных песков Анчара». Именно отсюда некогда пришли в наш мир приспешники всенижних богов, твари первозданной тьмы. От них-то сиятельные маги и воздвигли великую стену.

А вот мои спутники удивились другому: выпавшим рисункам, сделанным углем. С первого, к слову весьма точного, на нас взирал суровый лорд Хантер Элмер. Со второго – кронпринц. А с третьего – больше напоминавшего небрежный набросок – я. Вот только я на нем была какой-то другой. Чуть старше, серьезнее, симпатичнее, чем привыкла видеть себя в зеркале.

– Впечатляет… – протянул Хантер, держа в руках мое изображение. – Так точно воссоздать образ лишь по словесному портрету… Жаль, что такой талант сгорел. Его бы в управление безопасности.

– С чего ты решил, что художник – этот студент? – заинтересовалась я.

– С того, что пока парнишка так старательно пытался меня продырявить ятаганом, я заметил несколько деталей. Во-первых, на запястье его левой руки, той, в которой обычно держат палитру, засохли несколько капель эрлинских красок, причем разных цветов. А они славятся не только своей стойкостью и неизменным глянцевым блеском, но еще и ценой – такими забор расписывать не

будешь, скорее уж холст. Во-вторых, мозоль на среднем пальце правой руки, так, словно он часто держал перо или кисть. Но если первое – тогда он чрезвычайно чистоплотен. Ни одного следа чернил на руках. В-третьих, взгляд – слишком внимательный, долгий, безэмоциональный и натренированный. Он выдает художника, как выправка – военного. К тому же, – сиятельный хитро посмотрел на меня, – если в этой столичной дыре жил бы столь талантливый художник, то, думаю, Тэсс его творение сразу же узнала бы… А судя по ее ошарашенному лицу – автор творения ей совершенно не знаком.

Вот ведь! Одно слово – сыскарь!

– И что нам теперь делать? – вопросил кронпринц, болтаясь в воздухе не хуже пододеяльника на просушке, прищепленного к веревке.

– Для начала – менять личины и маршрут. Думаю, об изменении моего статуса тот, кто руководил этими горе-бандитами, уже в курсе, как и о том, что амулет с духом Микаэля поменял хозяина. Иначе зачем им было телепатофонить? – мой взгляд ненароком упал на обрывок ленты с тремя точками.

Эти патофоны были еще одним магическим изобретением: длиннющая узкая лента, на которую с помощью точек и тире записывали послание. Называли адресата и сворачивали. Рулончик сгорал в руках отправителя и тут же материализовался у того, кому он предназначался. Единственное неудобство – нельзя писать рунами. При пересылке они сливались, менялись до неузнаваемости и превращались в нечто нечитаемое. Поэтому маги плюнули и изобрели наипростейший язык, всего из двух символов, которые невозможно перепутать. Вот только эта писанина оказалась сложнее обычной рунописи. А если учесть, что и последней-то владели не все…

– И как теперь добраться до Альбиона? Обходными путями – уйдет не меньше двух месяцев, а напрямик – тут же выследят по новой… – как наиболее пострадавший (лишился всего, даже головы, рук, сердца и прочего ливера – и не от любви!) возопил кронпринц.

– Маршрут – прежний. Вам, ваше высочество, нужно как можно скорее вернуться в столицу, – изрек Хантер как само собой разумеющееся и начал активно рыться в своем бауле.

Он извлек трубку, набил ее табаком и с наслаждением затянулся.

На мой вопросительный взгляд он пояснил:

– Так мне лучше думается.

Знала бы я, до чего докурится муженек, – самолично заставила бы его проглотить весь кисет с табаком и закусить трубкой.

Глава 3

Хантер с наслаждением затянулся. Небольшая трубка с красной чашей и чубуком, простая и благодаря этому изящная, смотрелась в руках сиятельного весьма органично. Он в задумчивости то прикусывал ее, то отнимал ото рта, выпуская кольца дыма.

Казалось, он так поглощен этим своим занятием, что перестал замечать что-либо вокруг. Я же решила воспользоваться моментом, чтобы заняться весьма важным и ответственным делом на благо собственного долголетия. А именно: удрать.

Шаг. Второй. Третий. Сначала я медленно отступала спиной вперед. А потом, обойдя Децли так, чтобы туша ящера закрыла меня от сиятельного, подхватила любимый гаечный ключ и задала стрекача. Если бы еще вчера кто мне сказал, что я решусь в одиночку отправиться по пескам, – я посмеялась бы над шутником. Это же чистое самоубийство.

Вот только сегодня поменялись сразу два обстоятельства. Пустыню мы уже преодолели, а маячившее в перспективе плато славилось не только меньшим количеством опасностей на квадратный дюйм, чем пески, но и большим изобилием. Так что вероятность подохнуть от голода и жажды резко уменьшалась. А вот рядом с муженьком (второе обстоятельство), как оказалось, – самое опасное место в империи. И если он к такому привычен, то я – нет. Посему я решила самоуволиться с должности его дражайшей супруги.

Вот только, гонимая острым желанием спасти свою шкуру, я не учла одного: наличия слишком ценного и разговорчивого балласта в виде привиденистого кронпринца. Эта полупрозрачная венценосная особа, хоть и не весила ни грамма (и по этой причине физически мне помешать не могла), оказалась коварнее коровьей лепешки. О возможности вляпаться в последнюю тоже можешь напрочь забыть – и вспомнишь лишь только тогда, когда это произойдет. Но она хотя бы воняет после, а не до инцидента. В отличие от его высочества.

Ехидное «А досточтимый лорд Элмер в курсе, что его жена собирается от него скрыться?» вызвало у меня целую гамму чувств. В основном – матерных.

Зато ответ сиятельного удивил не только меня, но и духа:

– В курсе, в курсе. Ждал, когда Тэсс отбежит подальше, чтобы дать команду Децли догнать ее. Ему нравится игра в салочки, особенно когда добыча верткая. В результате ящер бы получил похвалу хозяина, а я – удовольствие от лицезрения своей женушки, которую Децли притащит обратно за юбку, – усмехнувшись, закончил лорд стихий.

Перспектива быть зажатой в зубах ящера на манер обглоданной кости в пасти пса не прельщала. Пришлось возвращаться.

Пришла, села напротив Хантера и уставилась на него, не говоря ни слова.

Сколько продолжалась игра в молчанку – не знаю. За это время стремительное и жаркое солнце успело основательно прогреть серые камни, мимо нас величественно пронес свое жало здоровенный скорпион, а песчаный заяц, высовывавший свои любопытные уши из норы, – напроситься на обед. Как наверняка думал сам косой – к нам. Как полагала я – зайчатинка весьма неплохая альтернатива вчерашней крупяной каше.

Мое поведение нервировало даже меня саму, что уж говорить о привидении. Вот только Хантер оставался спокоен. Табак в трубке закончился, и муженек невозмутимо созерцал окрестности. Песок, камень, чахлая, но настырная трава, лишаистыми пятнами торчавшая то тут, то там, и четыре трупа. Децли, флегматично жующий скорпиона. В общем, как ни крути, умиротворяющая картина.

У меня невольно вырвалось:

– И зачем ты тогда отрезал голову гремучнику, раз твой ящер все равно жрет всякую ядовитую гадость?

На удивление, Хантер удостоил меня ответом:

– Яды ему не страшны, а вот свинцовые пули плохо влияют на пищеварение. – А потом безо всякого перехода: – Давай уже, спрашивай, чего хотела. Чувствую, пока не выяснишь все и не поймешь до конца, во что тебя угораздило ввязаться, побеги будут происходить с завидной регулярностью. А я или ящер можем в очередной раз и не успеть.

Так, значит, то, как меня поймал Децли, – не случайность? Хантер специально натаскал своего «песика» на подобные трюки и был уверен, что в случае падения меня поймают. Отрадно.

Вслух же я спросила совершенно иное:

– Раз уж ты сам заговорил о вопросах и ответах, объясни мне, недалекой, из-за чего я чуть в лепешку не расшиблась? И раз те, что гнались за нами, мертвы, – я красноречиво обвела взглядом трупы, – может, не стоит так спешить?

– Ты права: пока спешить больше незачем, – усмехнулся Хантер и добавил: – Жаль лишь, что до ближайшего поселения – там нас могут ждать новые джентльмены революционной удачи.

Я согласилась с очевидным: те, кто гнался за нами из Столицы, вновь напасть на меня с сиятельным не смогли бы по той уважительной причине, что ныне лежали, подражая органическому удобрению.

Смысл дальнейшей речи супружника оказался и вовсе печальным. А именно: в империи назрел заговор, да причем такой, что еще немного – и грянет революция. Похищение принца – лишь вершина айсберга. То, как кружок любителей смены власти превратился в организованную агентурную сеть, прохлопали и имперские безопасники, и внутренняя разведка.

– И кто же такой гениальный оказался? – задала я риторический вопрос, имея в виду автора не только похищения кронпринца, но и всего этого безобразия.

– А вот это еще предстоит выяснить, – развел руками Хантер. – Ясно только одно. Переворот – дело жутко затратное и нервное. Попробуй найди фанатиков, готовых лезть на баррикады, и убеди их благородством идей или звоном золота – это уж кому что ближе. Но то, как революционеры подготовлены, – впечатляет.

– И что вы теперь намереваетесь делать? – это в разговор включился кронпринц.

– Для начала, думаю, отпустить ездового ящера. Слишком уж Децли приметный. А далее… Рад сообщить, что мы осчастливим нашим появлением пассажирский поезд. Именно на нем и доберемся до Альбиона. А мисс Тэсс у нас станет горничной. Моей горничной.

– Горничной лорда… – недоуменно протянул Микаэль.

– Почему лорда? – иронично изогнул бровь Хантер. – Леди. Почтенной престарелой леди.

С сиятельным я познакомилась неполных два дня назад, а чувство, что медленно, но верно схожу с ума, уже не покидало меня ни на минуту. Зато Хантер вел себя, словно все как всегда: невозмутимо собрал поклажу, насвистывая бравурную песню себе под нос, упаковал остывший огненный камень, бережно свернул награбленное у четверых утренних визитеров. Крохобор! А еще – благородный.

Хотя он называл свою добычу «уликами». Почему – не пойму, но это его слово вызывало у меня воспоминания о садовых слизнях.

После того как все наши пожитки были уложены, а я сама – закинута в седло ящера, блондин остановился, окинул взглядом неудачливых революционеров и щелкнул пальцами. Вспыхнувшие, как свечки, тела, оставили после себя четыре горстки пепла. Поди теперь догадайся, что произошло.

Запрыгнув в седло за моей спиной, Хантер дернул поводья. Сегодня Децли был неторопливо и основателен: даже днем взбираться по круче на плато оказалось

весьма опасно. На особо крутых подъемах нам приходилось спешиваться. При этом я позорно цеплялась за шипы на хвосте здоровенной рептилии. Впрочем, тварюшка не сильно возражала. Лишь недовольно косила на меня взглядом и порыкивала.

Когда под ногами исчез наклон, я даже не заметила. Сигналом, что мы все же закончили ползти вверх и теперь будем передвигаться относительно горизонтально, стало хантерово «забрались».

Лишь после этого я удосужилась оглядеться. Впереди причудливо переплетались зеленоватая бездна озер и монументальные каньоны из серого камня, скальные массивы, напоминающие старинные замки, рассеченные долинами бурных порожистых рек со множеством водопадов, и горные вершины, усеянные каменными россыпями и снежниками.

А за спиной, внизу, царствовала пустыня. Танцевали суховеи, блуждающие пески напоминали ворочавшихся во сне великанов, укрытых рыжим одеялом. До этих земель редко доходили дожди: влага предпочитала излиться на плодородную почву плато. «Прямо как благородные кварталы сиятельных и бедняцкие людские трущобы, – мелькнула у меня мысль, – интересно, а мое место где? Тут или там?»

Зато лорд стихий к созерцанию оказался не расположен. Подсадил меня в седло и сам забрался следом. До ночи мы так и не слезли с ящера. У меня же возникло стойкое чувство, что мы попали в страну тысяч водопадов, от небольших, скользящих тонкими водяными нитями, до гигантов шириной в сотни и высотой во многие десятки шагов. Они с ревом низвергались с темных скал пенящимися, клубящимися потоками. Столько воды я не видела за все годы, что провела в Анчаре.

Когда же на небо выкатилась бледная до синевы первая из лун, а сумерки расписали синь купола плеядами звезд, Хантер решил, что хорошенького понемногу, и остановился. Сиятельный легко спрыгнул с ящера, а вот я застряла.

Если первый день в седле сказался болью в мышцах, то сегодня у меня затекло, а также было отсижено и натерто, кажется, все. Даже брови.

– Слезай, – муженек протянул руки, чтобы меня подхватить.

Я сидела, изображая истукана. Зато кронпринц, истосковавшийся по общению, сдал меня с потрохами.

– Она не может, – начал он в своей излюбленной манере, когда чувствуешь: тебя посылают, но так тонко, что любой ответ покажется грубостью и оскорблением, – леди седлу не привычная, вот и…

Сиятельный выглядел удивленным. Он что, думает, раз я живу среди песков – то и наездница отличная? Как же! У каждого приютского свой ящер и вся сбруя к нему. Ну-ну… Нет, ездить я умела, но гораздо чаще расстояние покрывала на своих двоих. Вот в беге, несмотря на разницу в росте, я бы с Хантером поспорила.

Когда я увидела ехидное выражение на привиденистом лице, во мне взыграла гордость. Да. Я не эта их лядь, ледя, леди голубых кровей, в дамском седле по утрам на моцион не выезжаю, но свое место знаю, и указывать на него при всяком удобном и неудобном случае всяким высокородным…

Я поступила, как женщинам зачастую не свойственно, – молча продолжила сидеть без движения с прямой спиной.

– Ну как хочешь, – пожал плечами Хантер на мой демарш, и только хотел отойти, как это все надоело самому заинтересованному в отдыхе из нас – ящеру.

Децли тряхнул спиной, и я на манер фарфоровой куклы полетела вниз. Поймать вопящую падающую леди традиционным способом, что часто используется в процессе свадебной транспортировки невест, сиятельный не успел. Поэтому схватил то, что попало под руки.

В очередной раз за сегодня зависнув параллельно земле (на этот раз в двух ладонях от кончика носа), я начала подозревать, что все мужчины в младенческом возрасте проходят специальное обучение: как половчее схватиться за грудь. И не теряют этот навык до глубокой старости. Хантер оказался не исключением. Одна его рука удерживала меня как раз в районе этой самой груди, вторая – на талии, основательно сдавив живот.

Спустя мгновение он аккуратно вернул меня в вертикальное положение, а потом и вовсе бережно усадил на расстеленное походное одеяло.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. Мог ведь не ловить, а дать пороздить носом землю.

– Не за что. К тому же со сломанной ногой передвигаться мы будем значительно медленнее.

С этими словами он сгрузил сумку, расседлал Децли и, хлопнув его по лапе, скомандовал: «Домой». Ящер скосил на него один глаз, словно спрашивая: «А ты точно уверен?» Пришлось сиятельному заверить: «Давай-давай. Постараюсь сам справиться с этими двумя».

На его заявление принц уничижительно фыркнул, а я лишь подумала: «Неизвестно, кто за кем еще будет присматривать».

Мгновение – и ящер растворился в сумраке ночи, лишь еловые лапы беззвучно качнулись.

Блондин вздохнул, провожая взглядом свою ненаглядную рептилию, а потом начал обустраивать ночлег: как и вчера, достал огненный камень, крупу, котелок. Я же продолжала выполнять созерцательную функцию. Каждое движение отзывалось болью. На выразительные взгляды благородного не обращала внимания, впрочем, как и на его робкое проникновенно-ласковое: «А может, ты?..»

Как впоследствии оказалось, лучше бы я превозмогла боль и сварила эту безднову кашу! Результат кулинарных потуг сиятельного можно было смело отнести к оружию массового поражения: массы бы смотрели на него и поражались. Опустим то, что ложка застряла в этом клейстере намертво, а Хантер плюнул на механические способы извлечения коварного орудия пищевого боя и применил магию: дематериализовал кашу. Но то, как он вздохнул и полез за сыром и остатками хлеба, объясняло, почему мешок с крупой все еще почти полон. Преследуя этих революционеров, лорд перебивался сухомяткой.

Выходило, что мой случайный супружник хорошо стрелял из пистолета и отлично ездил, владел магией и знал правила светского этикета, как патер обеденную молитву, а вот с готовкой у него отношения не сложились. Судя по ложке – взаимно не сложились. Учтем-с.

Не подозревая о моих коварных планах, сиятельный соорудил два нехитрых бутерброда и всучил один из них мне. Жевала я через «не могу», а потом просто рухнула (в прямом смысле этого слова, не меняя позы) спать.

Когда открыла глаза, первое, что почувствовала, – это сладковатый запах табака. Муженек сидел, курил, жмурился в предрассветных лучах. У его ног стоял вдвое похудевший баул. Привиденистый кронпринц, обитавшийся рядом, задумчивый, молчаливый и какой-то настоящий, сбросивший маску, казался еще совсем молодым мальчишкой, взвалившим на плечи непосильный груз.

– А, проснулась, – Хантер заметил меня первый и отложил трубку.

Кронпринц тоже как-то подобрался, хотя это в его привиденистом исполнении было весьма затруднительно.

– Частично, – я попыталась встать, но познала все радости прострела.

Во всяком случае, именно так описывала бабка Эмма профессиональную болезнь заядлых сплетниц, любящих глазеть в замочные скважины: боль в спине, такая, что и не разогнешься.

Поза ярого борца с сорняками показалась мне милой и притягательной, а вот супружнику она чем-то не понравилась:

– Или ты сейчас разогнешься, или я тебе помогу.

Пришлось медленно, превозмогая ломоту в пояснице, выпрямляться.

– Вот видишь. Можешь, когда захочешь, – одобрительно протянул сиятельный, широко улыбаясь.

В путь мы двинулись спустя полчаса. Сначала каждый шаг отдавался болью, но потом то ли кровь разошлась, то ли боль отступила, но к тому моменту, когда показалась городская околица, я чувствовала себя вполне сносно.

Хантер еще раз сверился с картой, на которой почти рядом стояли три точки. Одна из них – городишко, чуть больше нашей дыры, через который проходила железная дорога. Две другие – деревеньки.

Кивнув своим мыслям, супружник достал кошель и, выудив пару серебрушек да россыпь медяков, протянул мне:

– Купи одежды. Женской. Себе – служанки, и мне – благородной леди. И обувь моего размера, – тут он для наглядности выставил вперед ногу в сапоге. – Да, парик не забудь и помаду с румянами.

После короткого напутствия монеты перекочевали в мою ладонь. Не успела я обрадоваться: вот он, шанс удрать, получив свободу и не ввязываясь в грязные игры знати, как меня остановила усмешка муженька. Взмах его руки – и мне на плечи легло заклинание.

– Чтобы не сбежала, – пояснил муженек, – не вернешься с заходом солнца – лишишься рук.

Да уж! Вот что значит: «Благородство сиятельного распространяется только на благородных». Я на такой щедрый дар могла не рассчитывать.

Городишко встретил меня гомоном босоногой детворы, скрипом повозок, базарной трескотней соседских кумушек, запахами сдобы и отбросов вперемешку. Я шла по улицам, разглядывая вывески. Ни одной лавки с готовыми платьями. Зато насчитала семь шильд с пенными кружками и четыре цирюльни. Как будто горожанам все, что нужно, – это напиться, подраться, а потом, протрезвев, вырвать недовыбитые зубы. Иных проблем, кроме как утолить жажду и побриться, похоже, они не имели.

Свернув еще пару раз, я все же обнаружила булочную. Аромат свежевыпеченной сдобы с корицей, ванилью дразнил ноздри, кремовые пирожные соблазняли в витрине сильнее, чем новенький, сошедший с конвейера моноход последней модели. В животе предательски заурчало и я, поддавшись соблазну,

направилась в булочную.

За пару медяшек я стала счастливой обладательницей здоровенного глазированного пряника. Ценная информация, где же здесь можно разжиться женским платьем и всем, что к нему полагается, досталась мне даром от словоохотливой, пышной и румяной, как сдобная булочка, продавщицы.

Следуя указаниям, я таки добралась до лавки, вход в которую украшало изображение шляпки, намалеванное красками на белой стене. Причем оно было столь «достоверно», что узнать вуалетку, больше напоминавшую рыбацкую сеть, я смогла лишь со второго раза. Зато ниже гордо красовалась надпись: «Модистки Ша и Нель. Лучшее дамское платье в городе».

Толкнула дверь и, шагнув через порог, оказалась в миленьком магазинчике, основным недостатком которого был избыток товара на квадратный дюйм. Поэтому я почувствовала себя как моль в платяном шкафу: места мало, тряпья много и все хочется попробовать.

Глаза разбегались, но на помощь мне пришла модистка. Выслушав просьбу, она предложила мне начать с туалета для хозяйки. Разобравшись с нужного размера нательной сорочкой (достойной габаритов сиятельного оказалась лишь одна) и чепцом, дело дошло до чулок. И тут я растерялась: многообразие от тончайших до вполне практичных, от белых до алых. Я никогда не думала, что их может быть столько. Выбрала самые красивые и дорогие: ярко-алые в крупную сеточку. Хантеру должны понравиться.

А вот с платьем случилась та же беда, что и с сорочкой: гренадерских размеров в лавке оказалось раз-два и обчелся. В результате сиятельный заочно стал обладателем чего-то зелено-болотного, с кучей рюшей и ярко-желтой окантовкой. Оценить модель мне помешало малое пространство лавки, поэтому осталось стойкое впечатление, что я прикупила чехол от дирижабля. Зато лорд в него точно поместится. Довершил образ будущей внушительной миссис Элмер парик, столь кучерявый, что его легко можно было перепутать с курдюком овцы.

Себе же, как и наказывал Хантер, я взяла коричневое платье, передник, кремовый чепчик и отдельно – белые манжеты и воротничок.

Подумала – что еще нужно? – и вспомнила про румяна-помады. Уточнив у модистки, где можно их приобрести, узнала, как добраться до аптеки.

Я расплатилась, и заботливая хозяйка начала упаковывать все мои покупки. Вот тут-то и пришло оно. Озарение. Жаль, что запоздалое. Тащить весь этот ворох одежды до той самой аптеки, а потом и до лавки сапожника – удовольствие то еще. Но все в этом мире имеет свою цену, а глупость – еще и наценку в виде укоров. В моем случае – самой себе.

Зато упрямства мне всегда было не занимать, и я, подобно мулу, доволокла все свертки до злополучной аптеки. Пыхтя, ввалилась в оную. В нос мне ударили запахи мяты, камфары и валерианы.

Огляделась. Прилавок, позади которого расположились полки со склянками, банками с заспиртованными жабами, запечатанными колбами с сизым дымом, мензурки с подозрительными растворами и мирные на вид пузырьки с притертыми крышками. И ни души. Вернее – две души. Моя и кронпринцева, тут же материализовавшаяся. А вот аптекарской – и в завиданках не было.

– И где?.. – задала я риторический вопрос, обозревая заприлавковое пространство.

Венценосное привидение, видя такой произвол, нахмурилось и даже в нетерпении прошлось от стены до стены. Я же поступила, как и любой, кому что-то сильно нужно: крикнула. Звук прокатился по комнате, ударился об окна и полетел в раззявленную дверь подсобки.

Вот только вышедший аптекарь, шаркавший тапками по полу так, словно вознамерился сделать в половицах колею, не оценил приветствия.

– И незачем так орать, молодой человек, – не поднимая взгляда, возвестил хозяин склянок. – Я вам не мальчик на побегушках.

Венчик седых волос обступил лысую макушку, как снег – проталину, кустистые брови, сгорбленная спина, руки в старческих прожилках вен. Дедок лишь на мгновение поднял голову. Мельком прошелся взглядом по невзрачной от пыли мне. А вот на кронпринце, не успевшем исчезнуть при появлении посторонних, задержался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nadezhda-mamaeva/shepot-bluzhdayuschih-peskov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити